

НАШИ • ТАМ

СТОЙ
ОПАСНАЯ ЗОНА

НИКОЛАЙ РАКОВ

ВОЙНА
ТЕНЕЙ

Наши там (Центрполиграф)

Николай Раков

Война теней

«Центрполиграф»

2014

Раков Н. М.

Война теней / Н. М. Раков — «Центрполиграф», 2014 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-05464-7

Майор, сотрудник оперативного отдела засекреченной государственной организации Бюро, занимающейся изучением аномальных зон и явлений, попадает в одну такую начинающую образовываться зону в сибирской тайге. Пытаясь выяснить причины её возникновения, он выходит на след террористов, подготовивших взрыв на законсервированной секретной лаборатории, работавшей над созданием боевых вирусов. С помощью армейских частей теракт удаётся частично локализовать, но оба эти события – только отвлекающие манёвры проведения основной операции врага. Следы террористов ведут на Кавказ, Украину, к фанатикам-ваххабитам и спецслужбам США, но прямых доказательств их участия в террористической операции нет. Это была тайная война с невидимым противником – война теней.

ISBN 978-5-227-05464-7

© Раков Н. М., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

25—26 июля 2008 года	6
Январь 1938 – октябрь 1941 года	17
25 июня – 17 июля 2008 года	22
17—31 июля 2008 года	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Раков

Война теней

*Мы думаем, что прогнозируемое завтра
только наступит, но оно уже наступило.
Если ты чего-то не знаешь,
это не означает, что его нет.*

© Раков Н.М., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Из документов закрытого совещания
Службы внешней разведки,
Федеральной службы безопасности,
Генеральной прокуратуры России,
Министерства внутренних дел,
Министерства по чрезвычайным ситуациям

«СЕКРЕТНО

...Исходя из анализа последних случаев расследования фактов терроризма, техногенных аварий, катастроф с массовой гибелью граждан Российской Федерации, совершения ряда тяжких преступлений следует признать, что в окружающем нас мире действуют силы, в настоящее время необъяснимые с точки зрения современной науки, однако реально воздействующие на наше пространство, граждан и приносящие прямой вред человеческому сообществу...

В целях защиты законности, здоровья и интересов граждан, предупреждения крупных техногенных аварий и катастроф необходим контроль за окружающей средой для выявления воздействия и возникновения непознанных факторов, создающих угрозу социуму. Необходимо начать подбор и подготовку кадров для последующего контроля за такими процессами, выявления их на первоначальной стадии и по возможности ликвидации или локализации подразделениями, имеющими специальную подготовку для работы с аномальными зонами.

Специалисты указанной категории должны постоянно находиться в каждом субъекте Российской Федерации, проводить предварительный анализ, позволяющий разграничивать воздействие на происходящие события естественных факторов природной среды и социума либо присутствие в них элементов сил, до настоящего времени не объяснённых фундаментальной наукой...»

25—26 июля 2008 года

Сибирское солнце летом может быть не менее знойным, чем южное крымское. Его июльские лучи так прогревают лесные поляны и раскинувшиеся в поймах рек луга, что даже самый стосковавшийся по теплу житель этих мест старается обойти их стороной. Густой запах луговины, непривычный для городского жителя, кружит голову и мешает вдохнуть полной грудью.

Прекрасен и плотен северный загар на стройном женском теле, на налитых силой мужских плечах. Одна беда, чуть только ты решил остудиться и нырнул под тень сосен, как тут же комар и гнус быстро заставят тебя одеться. Да не просто накинуть рубаху, а поплотнее укутаться в рабочую брезентуху. Лицо и руки береги от кровососов как хочешь, благо дефицита на репелленты нет, выбирай на любой вкус.

Но не увидишь в глухой, девственной тайге яркой расцветки «Адидаса» или новомодной куртки с яркими лейблами зарубежных фирм. Не конкуренты они здесь российской куртке промысловика-охотника или золотоискателя, лесного бродяги, способного отмахать за день по буреломам километров тридцать с рюкзаком за спиной. Да и какие могут быть дела в сибирской глухомани у городского пижона? Для чужого тайга – не мать, а мачеха. Сурова, шутить не любит. Сильна она, но и сама силу признает, а потому стоит в километре от опушки, уткнувшись в ствол сосны, ещё до конца не привычный, но уже знакомый таёжным буеракам и пням «Бродяга», на котором написано «Land Rover».

Знакомы тайге-хозяйке и его спутники – два сильных, уверенных в себе мужчины, лежащие в траве на границе света и тени. Нет, не видела она их раньше, но приняла как своих, узнав по бесшумной походке, рукам, привычно лежащим на шейках прикладов карабинов, по всё той же привычной для неё одежде и способности слушать и понимать её дыхание.

Делом вот только пришлые заняты непонятным: третий день в этом районе кружат. Улеглись сейчас на опушке и деревню уже несколько часов разглядывают. Деревня как деревня, из таких здесь почти весь край состоит. Пятьдесят дворов, да и те не все обжитые, из двенадцати петушиного крика уже по утрам не услышишь. Впрочем, молчат петухи на заре в деревеньке Потапово, не встречают Ярилу приветливо, как издревле повелось. Странно это. Да вообще много странностей в последнее время в округе.

– Долго мы ещё будем комаров кормить? – спросил плотный молодой блондин, опуская бинокль и в сотый раз за первую половину дня хлопая себя ладонью по лицу. – Ни покурить, ни репеллентом воспользоваться. Учует, видишь ли! Работать надо.

– Высказался? – не отрываясь от своих окуляров, проговорил его напарник, мужчина лет сорока, одетый, как и его собеседник, в брезентовую куртку защитного цвета, брюки из плотной ткани, заправленные в сапоги. – В дурку хочешь? Пожалуйста, но без меня.

Молодой опять приник к биноклю, изменив фокусировку и расширив обзор. Спорить было бесполезно. Решения принимал старший и более опытный товарищ.

На дальнем от наблюдателей конце деревни назревал небольшой скандал. Во дворе одного из домов мужчина в сером мятом пиджаке привязывал к седлу старого велосипеда пухлый рюкзак. На покосившееся крыльцо вышла в застиранном, потерявшем цвет платье женщина и начала что-то ему говорить. Мужчина, по всей видимости, ей ответил, не отрываясь от своего занятия. Лицо женщины исказилось. Она начала активно жестикулировать, указывая то в сторону огорода, то на полуразвалившийся сарай, то на двор, заросший бурьяном. Мужчина отмахнулся и повёл своё транспортное средство со двора. Женщина продолжала кричать ему вслед, но, видя, что её доводы не возымели действия, махнула рукой и вошла в дом, резко захлопнув за собой дверь.

– Кажется, наш клиент, – проговорил молодой наблюдатель. – Похоже, в Семёновск направился. Скорее всего, за куревом. Судя по рюкзаку, сушёный гриб у него там. Сдаст на приёмном пункте, вот и копейка в кармане заведётся.

– Возможно, ты и прав, – переведя окуляры бинокля на улицу и наблюдая за пылящим по ней велосипедистом, проговорил его напарник. – Час у нас ещё есть. Пока доедет, пока вернётся. На обратном пути попробуем вступить в контакт.

Мужчины опять повернули бинокли на объект своего наблюдения. Интерес их был давно определён: крайний в деревне, покосившийся от времени домишко, крытый тёсом, подслеповато смотрящий на улицу тремя скособоченными маленькими окошками. Длинные слезы, когда-то огораживавшие подворье, давно отсутствовали, и из бурьяна сиротливо торчали четыре столба. Калитки не было. О том, что завалюха обитаема, говорила только натоптанная среди травы тропинка, ведущая от пыльной дороги до двери, собранной из трёх потемневших от времени плах, да небольшое её ответвление к стоящему в пяти метрах от дома сарайчику. За высокими сорняками с улицы не было видно огорода, где каждый день на грядках трудился худощавый подросток с туповатым выражением лица.

Хозяйкой дома, к которому неизвестные проявляли пристальное внимание, была высохшая, худющая старуха лет под восемьдесят. Годы не согнули её. Ходила без палки, прямо и энергично. Не хваталась рукой за поясницу, разгибаясь после двух часов прополки на огороде. Одевалась во всё чёрное. На ногах по местному обычаю носила кирзачи, чьи носы изредка выглядывали из-под длинной юбки.

В бинокль было хорошо видно узкое лицо женщины, испещрённое глубокими морщинами. Вот только глаза, чёрные, широко раскрытые, смотрели молодо, цепко схватывая окружающее пространство. Столкнулся как-то с ними в окулярах бинокля старший наблюдатель. Мороз пробежал по коже, и в голове неожиданно появилась пустота. Он сразу опустил бинокль. Ощущение проникшего в мозг чужого взгляда прошло, но мужчина больше не пытался смотреть в глаза старухи.

Вставала бабка рано. Выйдя во двор, медленно, как локатором, поворачивая голову слева направо, проходила взглядом кромку леса, начинающегося в двухстах метрах от деревни. Потом шла в сарай, где пропадала минут на двадцать, и появлялась оттуда вместе с козой. Животное, как собака, шло за хозяйкой. Не доходя до леса сотни метров, старуха находила в траве верёвку и привязывала к одному её концу козу. Другой был закреплён на вбитом металлическому колу, местоположение которого за время наблюдения не менялось. Старуха наклонялась к животному, что-то шептала ему на ухо. Обходила место пастбища кругом, при этом губы её беспрестанно шевелились, и возвращалась в дом, порой не выходя оттуда уже в течение всего дня.

Дважды за время наблюдения она уходила в лес, взяв с собой старую плетёную корзину. Содержимое корзины от нескромных глаз было укрыто застиранной тряпицей. Определив направление движения бабки, наблюдателям однажды даже пришлось осторожно менять своё местоположение. Старуха прошла метрах в десяти от лёжки, но, похоже, не заметила прижатой травы.

Старший из наблюдателей не разрешил преследовать женщину, а спустя пять часов, когда она вернулась в деревню, сам прошёл по её следам.

Старуха собирала травы, но, судя по пройденному ею расстоянию, должна была закончить свою прогулку на три часа раньше. Где она была всё это время, так и осталось загадкой. Следов длительного отдыха опытный следопыт так и не заметил. Не нашёл также и какой-нибудь замаскированной дорожки следов.

Не меньше, чем сама старуха, наблюдателей интересовала её коза. Животное почти ничем не отличалось от своих собратьев, разве что рогами. Они действительно притягивали к себе взгляд. У обычных коз рога небольшие и загнуты назад. У козы старухи рога были совсем

иного рода. Над головой с лёгким наклоном вперёд поднимались два полуметровых штыка. Именно так охарактеризовал бы их любой военный. Когда животное наклоняло голову, поедая траву, его природное оружие было готово к применению в любую долю секунды. Но если эта особенность и бросалась в глаза, то две другие были практически незаметны. Глаза животного не имели белков. Абсолютно чёрный зрачок занимал весь объём глазного яблока. Взгляд был пронизывающим и одновременно пугающим. Именно такой, немигающий, бесстрастно-холодный взгляд бывает у убийцы перед нанесением смертельного удара. Он останавливает защитное движение. Жертва понимает неотвратимость смерти.

Один раз напоровшись биноклем на этот взгляд, старший наблюдатель также больше не заглядывал в глаза животного.

Вторую странность можно было отнести просто к природным гримасам, которыми она в огромном количестве награждает свои творения. Коза была белая, но на её левом боку красовалось огромное чёрное пятно в виде запятой, чей хвостик, проходя по шее, упирался своим концом в уголок левого глаза.

Были ещё две вещи, своевременно доложенные, как и всё остальное, шефу старшим наблюдателем.

Во-первых, коза всегда паслась боком с чёрным пятном в сторону леса. Объев траву на длину своей верёвки, она либо ложилась отдохнуть, либо, пятась назад, продолжала кормиться, сохраняя положение чёрного пятна к опушке.

Во-вторых, закончив дневную пастьбу, она мотала головой, а потом преспокойно шла домой, будто и не была весь день привязана и ограничена в свободе передвижения. Возвратившись во двор, открывала рогами дверь в сарайчик и скрывалась в его темноте.

Минут через пять сараюху посещала хозяйка. Выходила из неё с ведёрком, зачерпывала из него кружкой молоко и оставляла посудину на порожке входной двери. Дебильноватый парнишка, весь день копающийся в огороде, тут же прекращал работать. Обтерев руки о штаны, подходил к крыльцу, выпивал оставленное ему молоко и направлялся к своему полуразрушенному домишку. Там на скамье у стены он всегда находил кусок хлеба, пару пирожков, банку с остывшими остатками супа, принесёнными сердобольными соседями. Забрав продукты, парень скрывался в доме и уже до утра не выходил из него.

– Пора, – проговорил старший из наблюдателей и стал отползать в тень ближайших сосен. Облегченно вздохнув, вслед за ним пополз и его молодой напарник.

Метров через пятьдесят оба поднялись среди сосновых стволов, отряхнули одежду и скорым шагом направились в чащу. Добравшись до «лендровера» и убедившись, что к машине никто не приближался, наблюдатели устроились на сиденьях. Вездеход медленно двинулся по лесу, оставляя справа просёлочную дорогу, ведущую в Потапово. Отъехав километров пять от деревни, водитель повернул и выехал к дороге.

Для задуманного дела машина вышла из-за деревьев очень удачно. В этом месте лес обступал дорогу с обеих сторон. Кромка просёлка фактически проходила по корням стоящих сосен.

Развернув машину таким образом, чтобы создать впечатление, что она съехала с дороги, мужчины быстро расстелили кусок полиэтиленовой плёнки, разложили на нём хлеб, огурцы, вскрыли пару банок рыбных и мясных консервов, поставив в центре литровую металлическую фляжку. Два алюминиевых стакана были вмиг налиты и по знаку старшего выпиты. От привала потянуло запахом спирта. Молодой мужчина запил свою порцию водой, сняв с ремня фляжку. Пожилой лениво, не торопясь, надкусил огурец, а потом поковырялся охотничьим ножом в банке с тушёшкой. То же самое проделал и его спутник с банкой рыбных консервов. Оба закурили, расположившись так, чтобы фиксировать всё окружающее их пространство. Позы отдыхающих свидетельствовали о полном безразличии к происходящему вокруг.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на дороге показался знакомый велосипедист, лениво крутящий педали. Сейчас ещё недавно пухлый рюкзак, увезённый из дома, представлял собой скомканную тряпку, привязанную к багажнику.

Выждав нужное время, старший принял сидячее положение и разлил из фляги спирт по стаканам, один из которых протянул напарнику.

– Бог в помощь, мужики, – раздалось с дороги.

– И тебе не хворать, – повернув голову, будто только что заметил проезжающего, ответил молодой «турист».

– Да и Богу подмигнуть не грех, – продолжил старший. – Не поднимешь – не упадёт.

– И то верно, – прекратив крутить педали, ответил мужчина.

– Присоединяйся, если охота есть. Время-то обеденное.

– Да уж не откажусь, коль приглашение имею, – проговорил потаповец, соскакивая с велосипеда и пристраиваясь на земле с краю импровизированного стола.

– Игорёха, подай человеку стакан.

Молодой встал, порылся в лежащем на заднем сиденье машины ящике и поставил стакан перед гостем. Старший сразу налил его до краёв.

– За удачную вам охоту, – проговорил гость, опрокидывая в рот двести граммов жидкого огня. Выпив, он пару секунд посидел не открывая рта, а потом медленно потянулся к куску хлеба и, откусив от него, начал неторопливо жевать.

– А вот насчёт охоты твои бы слова да Богу в уши. Второй день ездим, и почти ничего, – заев содержимое стаканчика куском мяса, проговорил старший. – Сказывали нам, места у вас тут богатые, да, видимо, обманули.

– Были места, были, да всё быльем поросло, – с сожалением в голосе проговорил велосипедист, не отрывая глаз от фляги.

– Налей ещё гостю, – скомандовал старший. – Под рюмашку и разговор с хорошим человеком веселее идёт.

– А себе-то что? – подняв стакан, спросил приглашённый, видя, что хозяйская посуда осталась пустой.

– Мы уже до тебя приняли. Да и баранку крутить ещё долго. Хотим километров на сотню вверх по Сури подняться, может, там пофартит.

Гость выпил, достал из-за голенища нож и, подцепив кусок лосося из банки, отправил его в рот.

– Не пофартит, – категорически проговорил он, прожевав и потянувшись за флягой с водой. Сделав несколько глотков, продолжил: – Местные мы тут. Округ вёрст на триста кажин пень знаком. На Сури делать нечего, гиблые места. Зверь ушёл, что, мать ети, ему тут не понравилось, не знаю, но нет зверя. Ещё куда худшие дела происходят. Мужики в тайгу уходят, а обратного хода им нет. Чем кормилицу провинили, никто понять не может. Уж искали пропавших и вертолётками, и на моторках ходили, нет мужиков. Собаки с двумя были, и те не вернулись. Вот таки у нас тут дела.

– Да чего это у вас тут приключилось? – стараясь попасть в тон собеседника, спросил старший.

– Слух прошёл. Чёрный шаман у нас объявился. Всю окрестную тайгу под себя взять хочет. Вот и дурит. Людишек губит. Зверя отвёл. В тайгу не пускает.

– Враньё небось. Да и зачем шаману тайга мёртвая? Самому тоже что-то есть надо.

– Вот и видно, что не местные вы. Городские. Хватка ваша видна. В тайге не впервой, но недалеко видите. Много чего она, матушка, скрывает. Не только зверем богата. А гриб, а ягода, а орех, а рыба. Про золотишко я уже не говорю.

– Так у вас тут и золото есть? – с нотками интереса включился в разговор младший из двух охотников.

– Было, можно сказать. Было.

– Если, говоришь, было, значит, сейчас нет.

– Есть оно, да ходу к нему не стало.

– Что так спасовали? Собрались бы местные охотники, пригласили бы шамана и пошли с ним по тайге. Нечисть повывели – и живи не горюй, – вмешался старший.

– Просто всё у вас, у городских. Вот возьми наше Потапово. Нонешней зимой откуда ни возьмись бабка-колдунья появилась.

– Уж прямо и колдунья, – с улыбкой проговорил молодой и, прикуривая, ехидно поглядел на гостя.

– И смеяться тут неча. Если время есть, расскажу. – Дождавшись кивка старшего, продолжил: – Пурга беспросветная. Мороз. Прижмёт до ветру сходить, и то не очень поторопишься. А тут среди ночи раз – и свет в крайней брошенной избе замерцал. Неделью не переставая мело, а как успокоилось, глядим, новая соседка появилась, да ещё и с козой. Как двенадцать вёрст по морозу, в пургу, с козой от Семёновска добралась? Позже у местных спрашивали. Никто её там не видел. Ну, бабы, понятное дело, пошли первыми знакомиться. Только от такого знакомства толку никакого не вышло. На порог пустила, в сенцы – и всё. Назвалась Аграфеной, сказала, что прибыла грехи свои замаливать да за отца, убиенного в наших местах, молиться. Действительно, были тут при Сталине лагеря. Много народу полегло, и прииск на Чёртовой пади был. Ещё при царе прииск тот за купцом Семёновым числился, Удача прозывался. Как царя не стало, загдох прииск, а позже НКВД его под свою руку взял. Людишек нагнали, да и поморили всех. Закрыли рудник, а охочий люд мыл себе потихоньку. Без песка никто не возвращался. Жили не тужили. Тут новая власть пришла. Она и отдала рудник местному богатею Ваське Слямину, что в Семёновске три магазина имеет, да пилораму, да кирпичный заводик. Навёз Васька народу в тайгу да откуда-то чужих людишек притаранил, охранниками поставил. Не люди – звери. Не только рудник охраняли, но и по реке ходили. Свободных охотников били нещадно, песок забирали. Жаловались старатели и прокурору, и в суд, но только золото – сила. Ничего не вышло, а уж те, у кого не было лицензии, вообще молчали.

– Так пропавшие охотники и есть дело рук Васькиных охранников, – перебил рассказчика старший. – И шаман ваш чёрный тут ни при чём.

– Ты дослухай сначала, мил человек, а потом уж будешь говорить, так ли было али иначе. У нас тут так говорят. Хотела баба только удовольствия, а получила... Смекаешь?

– Да не прерывай ты человека. Рассказывай, – вмешался молодой, наливая стакан рассказчику.

– Вот я и говорю. Вскоре начали и у Слямина людишки пропадать. Сначала двое охранников сгнуло. Ну, по этим никто слёзы лить не стал. А потом на побывку домой двое местных из Куркина ушли. Уйти-то ушли, а вот дома не объявились. Хватились их недели две спустя. Но до сего дня и костей тех горемык не обнаружили. Думали, кто на их золото позарился. Ан нет. Заработок только в конторе да деньгами в Семёновске выдавали. Понаехали комиссии, следователи всякие. Толку – нуль. Нет мужиков. Дело возбуждать не стали, говорят, раз трупов нет, то и преступления тоже. Нашли у Васьки сикось-накось писанную бухгалтерию, отняли лицензию, запретив всем соваться на рудник. Да и кто туда сунется, если жизнь дорога. – Рассказчик сделал передышку, опрокинул в себя поднесённый стаканчик, неторопливо закусил и, прикуривая, повёл глазами на слушателей. Последние молчали, не отрывая от него взгляда. Было видно, что повествование их зацепило. – Дальше хуже началось, – выпуская дым после глубокой затяжки, продолжал рассказчик. – Вот, к примеру, с нашей стороны, с Потапово. Раньше бабы в лес по грибы, ягоды да орех до десяти вёрст от деревни уходили. Урожай богатый, телегами пёрли. Нынче дале горелого пня – ни-ни, а это всё равно что от печки до курятника дойти. Грибы с ягодами ещё так-сяк, а вот об орехе можно в этом году уже забыть. Жить

чем-то надо. Пошёл бы стараться, да баба в голос. Сейчас везде так – и в Куркино, и в Снегирёво. Треть деревни уехало. Хоть самому собирайся, – уже с безысходностью закончил мужик.

– А что с колдуньей-то вашей? Неужто жить мешает? Так гнать её из деревни или петуха подпустить, – проговорил старший из охотников.

– Аграфена – баба вроде безобидная, только никто к ней не ходит, да и она к нам ни ногой. Живёт сама по себе. Мимо её хаты идёшь – мороз пробирает, нехорошо это. Только нашего Димку к себе приручила. Мальчишка горемычный, отец в тайге сгинул. Мать вскоре умерла. Мальцу-то всего пятнадцать. Родился ушибленным на голову. Всей деревней не даём пропасть, бабы подкармливают. Нашёл родственную душу, на огороде Аграфене помогает, кормит она его. Если бы забижала, миром поднялись бы. А вот насчёт петухов ты прав. Все бабы говорят: колдунья Аграфена. Как появилась в нашей деревне, петухи по утрам кричать перестали. Нам-то, мужикам, всё едино, а бабам за приметами следить – первое дело.

– Проверили бы вы эту свою Аграфену – кто такая, откуда взялась. Может, действительно изводит вашу деревню потихоньку, а вам и невдомёк.

– Думаешь, умнее всех оказался? – с гордостью спросил потаповец. – Наши бабы мигом о ней участковому рассказали, как только на семёновский базар поехали. Приезжала власть, проверила и перед обществом отчиталась. Всё в порядке у Аграфены. Отец её здесь в лагерях по навету сидел, где и сгинул бесследно. Сергеич, это участковый наш, сказал, что решение суда видел, амнистировали её отца посмертно. Сама Аграфена тоже лиха хлебнула, без родителей в детском доме росла. С документами у неё всё в полном порядке, дома чисто, а по бесовским или ведьминым делам, говорит, я вам не помощник, батюшку вызывайте. На том и разошлись. Только опять же странно, больше он к нам ни ногой, а то ране кажныя десять дней наведывался.

– Может, и не прав я. У нас ведь в городе тоже всё не слава богу: то террористы бомбу взорвут, то вместо питьевой воды какая-то дрянь льётся, – взял слово старший из городских. – Только вот знаю приметку одну безошибочную: если баба – добрая колдунья али ворожея, то она в народ идёт и он к ней тянется, а если чёрная ведьма, то знак у неё есть обязательно – в избе чёрный кот, сова или ворона обретается, а во дворе козёл или коза. Реже гады всякие бывают, гадюки и прочая мерзость. Без этих помощников колдунье никак нельзя. Если отнять у неё помощников, то теряет она свою силу злую и покидает то место, где жила и часть силы своей потеряла.

– Прав ты, городской. Не знаю, что в хате, а вот коза у Аграфены есть. Животина злобная, страсть. Девчонку малую, дочку нашего Иваныча, едва насмерть не забодала. Мать отбила. Ребёнок козочку погладить захотел.

– А чем коза Аграфены, кроме норова своего, отличается?

– Коза как коза, вот только рога у неё, как вилы, вперёд торчат.

– А левый бок у неё, случаем, не чёрный? – перебив рассказчика, спросил старший охотник.

– А ты откуда знаешь? – удивлённо спросил тот.

– Моя бабка до самой смерти знахаркой была. Привороты чёрные отводила и про всякие ведьмины штучки много чего рассказывала, в том числе и про козу. Сам несколько заговоров знаю, да не сподобил Господь, ведьма только по женской линии свои секреты передаёт. А что, гость дорогой, не попробовать ли нам с вашей ведьмой побороться? Дел у нас тут никаких нет. Собрались уезжать от вас, да разговор слишком хороший получился. Если желаешь, то можем и подсобить. Проверим, ведьма ваша Аграфена али нет. Давай ещё по одной, да покумекаем, как и что сделать. Кстати, зовут-то тебя как?

– Семёном кличут. Отца Петром звали.

– Вот и давай, Семён Петрович, накатим по малой да подумаем о большом.

Молодой охотник опять разлил спирт по стаканам и, получив одобрительный кивок старшего товарища, бросил в стакан Семёна маленькую таблетку, тут же растворившуюся в спирте.

– Что делать-то будем? – спросил Семён, уже не совсем твёрдо поднимая стакан.

– А давай лишим вашу ведьму силы, украдём у неё козу. Если она ведьма, то мигом из вашего Потапово уберётся, а если нет, мы козу ей обратно вернём.

– Ну, украдём мы козу, и куда её девать? Если старуха ведьма, то найдёт козу, мало тогда никому не покажется.

– Я же сказал, вместе дело сделаем. Ты служил?

– А то как же! – гордо вскинул голову Семён. – Сержант запаса царицы полей.

– Вот за неё и выпьем. За русскую царицу, которую никто победить не может, уж не говоря о какой-то нечистой силе.

Все трое дружно опрокинули стаканы и начали более активно опустошать открытые банки и метать с импровизированного стола в рот разложенные овощи.

– Так вот, Семён, – проговорил старший из охотников, первым прожевавший заедок и запивший его водой. – Я майор и ещё не запаса, а потому слушай мой приказ. – Подождав, пока сержант выпрямится и зафиксирует свой взгляд на командире, продолжил: – Сегодня ночью ты проберёшься к сараю Аграфены и украдёшь из него козу. Мы с лейтенантом будем ждать тебя со стороны леса. Козу передашь нам, а сам после этого пойдёшь спать домой. Мы козу подале увезём. Ровно через неделю встречаемся на этом самом месте. Если Аграфена не уехала, то возвращаем козу, и хозяйка за её находку будет только тебя благодарить. Если Аграфена уедет, то сюда не приходи. О её отъезде мы узнаем первыми, и коза ей больше не понадобится. Надеюсь, козу ты до леса донесёшь?

– С этим проблем нет, товарищ майор. А вот как быть с козой? Животина строптивая, заорёт, рогом в темноте ударит. На шум хозяйка выскочит, весь наш план к чёрту.

– Правильно мыслишь, пехота, – одобрительно хлопая по плечу Семёна, проговорил майор. – Дам я тебе одну штуку... – Он встал, прошёл к машине, покопался в бардачке, вернулся и протянул на ладони аэрозольный баллончик. – Это нервно-паралитический газ, слышал о таком?

Семён кивнул, рассматривая небольшой чёрный цилиндр без надписей и маркировок.

– Подползешь тихонечко к сараю, где ночует ваша коза, надавишь на кнопку и направишь струю газа внутрь или протолкнешь в щель сам баллончик. Подождешь две минуты. Просто посиди не двигаясь и посчитай медленно до ста двадцати. После этого смело заходи в сарай, бери нашу спящую красавицу и неси её к лесу. Если вдруг тебе будет нужна наша помощь, сможешь крикнуть три раза филином?

– Насчёт филина нет проблем. Как я в сарай зайду? Если газа хлебну, то там и останусь.

– Вот за это не бойся. Умные люди за нас всё придумали. Этот газ на человека не действует.

– Ох, втравил ты меня в какое-то дело, майор. Ну так обратки нет. Слово дал – держать надо.

– Сказки в детстве тебе мама читала про смелого солдата, который Горыныча победил и чертям от которого тошно стало? Вот и мы с тобой как тот солдат. Шли мимо деревни, увидели непорядок и всё сделали по своему разумению. Но пойти мы с тобой не можем, рады бы, да ходу нет. Ведьма если даже тебя и почует, то значения не придаст, знаком ты ей. А если ночью рядом чужой появится, тогда пиши пропало. Не дрогни в последний момент, солдат, на всех аукнется. И о нашем разговоре никому. Расскажешь, сам проживешь недолго. Если Аграфена ведьма, мстить будет.

– Ладно, пора мне. Спасибо за хлеб-соль и слово доброе. Ощущение, не поверите, будто опять в строй встал и годков двадцать скинул.

– Встал, сержант, встал. Русский мужик воином родился, воином в душе и умирает. Не на чужой кусок зарится, землю и близких своих защищает. Тем и сильны, – проговорил майор,

поднимаясь. – А чтоб спокойней и надёжней тебе было, мигни фонариком со своего сеновала или спичку зажги, когда выходить будешь. Мы тебе от леса сигнал подадим.

Семён подхватил свой велосипед, махнул рукой на прощание, и вскоре его спина скрылась за стволами сосен на изгибающейся лесной дороге.

– Думаешь, получится? – спросил молодой Игорёха.

– Принял решение, закрой дверь всем сомнениям, – произнёс старший. – Какая у нас ночь получится, неизвестно, – собирая остатки обеда, продолжил он. – Отъедем в лес, придавим ухо часиков на пяток, а ближе к закату выдвинемся к деревне. Программу исполнения я ему заложил. Таблетка действует сутки. Всё должно получиться.

Через несколько минут двигатель машины чуть слышно заурчал, будто, как и хозяева, знал, что лес шума не любит, и вездеход скрылся среди стволов матёрого сосняка, объезжая попадавшиеся на пути густые заросли папоротника.

Солнце коснулось кромки леса, когда наблюдатели стали устраиваться в ста метрах от своей дневной лёжки. Мужчины немного повозились, и их бинокли вновь уставились на уже до мелочей знакомое Потапово.

Объект операции «Коза», как обычно, повёл головой, уставившись на догорающее светило, тряхнул ею из стороны в сторону и неторопливым шагом направился в свой сарайчик.

Сумерки сгустились. Всё шло своим заведённым чередом.

Света в деревне не было, керосин экономили, и, когда через час наступила полная тьма, во всём Потапово светилось только шесть окон. Два огонька были очень тусклыми, и наблюдатели пришли к мнению, что в домах пользовались свечами.

В доме Аграфены света никогда не наблюдалось, ни днём, ни в тёмное время суток, зато каждую ночь коптила печная труба. Печь начинала топиться ровно в двенадцать часов. То ли старуха варила свои зелья, то ли гадала на печной огонь и с помощью дыма разносила по округе свои чёрные замыслы.

Отсчёт времени до сигнала начала операции пошёл на минуты, когда труба на крыше ведьмино дома испустила последние клубы дыма. Теперь молодой наблюдатель не отрываясь следил за крышей дома Семёна, подсвеченной полной луной.

– Промахнулись мы, кажется, – шёпотом проговорил он, не отрываясь от окуляров. – Полнолуние, блин, самое ведьмино время. Если старуха не спит, всё может сорваться к чёртовой матери.

– Ещё раз чертыхнёшься, скажу шефу. Сарай с артефактами будешь охранять, – прошипел в ответ старший, наблюдая за домом Аграфены.

– Есть сигнал, – через пять минут установившейся тишины проговорил блондин и, нащупав висящий на шее фонарь, дважды мигнул светом в темноту, спрятавшись за толстой елью и не высовывая фонарь из-за её ствола.

Время ожидания растянулось. Каждые пять минут казались пятнадцатью. Старший охотник по-прежнему наблюдал за домом и двором ведьмы. Младший пытался уловить какое-либо движение в стороне от него, фиксируя направление движения Семёна к объекту операции.

Прошло полчаса. В деревне по-прежнему было тихо. Неожиданно со стороны склона, ведущего от деревни к лесной опушке, где расположились наблюдатели, трижды ухнул филин. Сержант, подавая сигнал, просил помощи.

– Вперёд, – подтолкнул старший в спину молодого коллегу.

Молниеносно вскочив, тот стал быстро спускаться по склону, отчётливо видимому в лунном свете.

«Эх, тучка бы сейчас не помешала, – мелькнуло в голове майора. – Подстрелят сейчас мальчишку. – Тут он вспомнил, что ведёт наблюдение не склона афганской высоты, по которой сходил его солдат, а находится за тысячи километров от тех мест, в глухой российской тайге,

что в настоящее время ничего не меняет в части смертельного риска. – А дымовая шашка тут не спасёт», – подумал он, отбрасывая бинокль и подтягивая к себе карабин с оптическим прицелом. Снайперская сетка плотно легла на дверь домика Аграфены, пробежалась по тёмным окнам. Не зафиксировав ни малейшего движения в доме, он перевёл свой взгляд на склон.

Вверх поднимались двое. Впереди бежал Игорь, неся на плечах козу, сзади, прихрамывая и отставая всё больше, двигался Семён. Вот он упал, поднялся, приволакивая правую ногу и размахивая для равновесия руками, вновь неуклюже поскакал по склону.

Прицел винтовки ещё раз obeжал дом колдуньи. Никакого движения. Закинув винтовку за спину, старший бросился к тому месту, где, поднявшись по склону, должны были нырнуть в лес бегущие.

Тренированное тело Игоря с козой на спине выпрыгнуло на верхушку откоса и, не останавливаясь, скрылось среди деревьев. Семёна не было видно, но вот наконец его голова поднялась над корнями первой сосны, стоящей на кромке склона, но вместо плеч и туловища дальше появилась рука, ухватившаяся за обнажённый корень.

Стоящий за сосной старший, нагнувшись, ухватился за запястье этой руки, и его пальцы ощутили что-то липкое и тёплое. Обоняния сразу коснулся запах свежей крови. Мощный рывок – и худощавое тело сержанта было выдернуто из зоны видимости противника, мгновенно оказавшись на широкой спине страховавшего. Скособооченная, не имеющая определённой формы тень, единожды мелькнув в лунном свете опушки, растворилась в непроглядной темноте леса.

На этот раз «лендровер» ожидал своих седоков всего в ста метрах от места, где лежала группа прикрытия. Когда старший с Семёном на спине подбежал к машине, молодой член группы уже стоял у открытой задней дверцы, где на полу лежала цель всей операции.

– Свяжи ноги и пасть, – со срывающимся дыханием прохрипел старший.

Открыв дверь салона машины, он осторожно завалил со своей спины тело Семёна на сиденье. Бросив оружие на пол, майор без хлопков прикрыл дверцу и подошёл к напарнику.

– Ты чего так долго возишься? – раздражённо спросил он, увидев, что тот успел стянуть только два передних копыта.

– Чёртова коза, – хрипя, произнёс Игорь, – похоже, под сотню килограмм ве...

Больше парень ничего не успел сказать. Животное мигом вскочило и, наклонив голову, прыгнуло на него. Острые штыки рогов проткнули грудную клетку человека, сбив его с ног. Тело ударилось спиной о землю. Коза полетела дальше, освобождая застрявшие рога. Трижды приглушенно клацнул затвор пистолета. Прибор бесшумной беспламенной стрельбы, а в просторечье глушитель, поглотил звук выстрелов. Звук взводимого затвора в тишине леса слышен метров на пятьдесят. Зато рёв животного, скрывшегося в кустах, был похож на медвежий разъярённый рык, разнёсшийся по ночной тайге на несколько сот метров.

Майор подбежал к распростёртому на земле телу и, схватив его за куртку на плечах, потащил к машине. Единным рывком забросив тело в багажник, он захлопнул дверцу, и через несколько секунд вездеход на самой высокой скорости, какую возможно было развить между стволов сосен, уходил с места трагедии.

– Что это было? – держась за спинку сиденья и изредка постанывая на попадающих под колёса кочках спросил Семён, сидевший сзади.

– Коза ваша, – не отрывая взгляда от дороги и резко выворачивая руль, процедил сквозь зубы майор.

– Какая коза? Это медведь рычал.

– Заткнись и слушай, – проговорил майор, активно ворочая рулём. – Сейчас за нами будет погоня. Мы бездарно провалили операцию, и если сможем унести свои шкуры, то это уже будет победой. Держи. – Он вынул из бардачка и протянул назад крупнокалиберный «Кипарис». – Там всё взведено, настроено. – Увидев в зеркало заднего вида, как непонимающе крутит в

руках незнакомое оружие сержант, добавил: – Сорок патронов. Палец на спуск не клади, нас подстрелишь на этих колдобинах. Когда прикажу, стреляй не задумываясь, кто бы рядом ни был. Всю ответственность беру на себя.

– А как же мне домой?.. – растерянно промямлил Семён.

– Наш путь ведёт к кладбищу. Если удастся проскочить мимо, то, возможно, домой и попадёшь.

Водитель хорошо ориентировался даже в тёмном лесу, продвигаясь без света фар. Лобовое стекло вездехода обеспечивало ему инфракрасную подсветку, и вездеход уже через десять минут выскочил на просёлок, ведущий из Потапово в Семёновск.

Машина прибавила скорость. Стволы сосен замелькали по сторонам, как штaketник забора. Сзади остался один километр, потом второй...

– Приготовься, – жёстко проговорил водитель. – Стрелять по моей команде, даже если увидишь родную мать.

– Понял, – послышался сзади сдавленный голос.

Интуиция не подвела. Сразу за поворотом поперёк дороги лежала поваленная сосна. Снося обзорные боковые зеркала, вездеход, не снижая скорости, нырнул влево, в узкий проём между двух сосен. Удар вылетевшего из-за ствола одной из них топора пробил лобовое стекло, но вязкий пластик не разрушился полностью, а только подёрнулся крупными трещинами, разбежавшимися от места удара, заклинив топор в себе. Масса машины вырвала топорщице застрявшего оружия из руки нападавшего и одновременно выдернула из-за ствола худощавое мальчишеское тело, пролетевшее несколько метров и ударившееся о сосну.

Машина вильнула и, вновь выскочив на дорогу, прибавила скорость. Казалось, уже всё позади, но неожиданно салон содрогнулся от удара сзади. Бросив взгляд в зеркальце заднего обзора, майор увидел, что на запасном колесе висит тело потаповского дебила, а его рука размахнулась для удара по стеклу.

– Стреляй! – крикнул он, вильнув вправо, насколько позволяла ширина дороги, стремясь, чтобы удар пришёлся вскользь по окну. Манёвр не спас. Стекло пошло трещинами и прогнулось в салон. – Сержант, огонь! – прокричал майор, резко тормозя.

Худыш вместе со стеклом ввалился в багажное отделение машины. Рука водителя с пистолетом уже поднималась на уровень спинки заднего сиденья, когда салон наполнился грохотом мощной очереди пистолета-пулемёта и запахом пороховых газов. Приподнявшаяся из багажника голова дебила разлетелась кусками по всему салону, а тело, скребя окровавленными руками по обивке сиденья, завалилось назад.

– Вот и всё, сержант. На сегодня приключения окончились, – спокойно проговорил майор, видя трясущиеся губы своего пассажира. – Он был всего лишь зомби, помощник вашей ведьмы, слуга, исполнитель, животное, подчинённое её приказам.

– А как же другие? – дрожащим голосом спросил Семён.

– Остальные потаповцы? Думаю, с ними всё в порядке. Да и не было у старухи такой задачи – деревню зомбировать. Что-то другое тут... – задумчиво протянул он.

– Так я, может, пойду? – отбрасывая на сиденье забрызганное кровью оружие и пытаясь вытереть окровавленные руки о рубашку, проговорил Семён.

– Куда это ты собрался? В деревню? А если там ваша Аграфена? А по дороге знакомую козочку встретить не хочешь? Сиди и не рыпайся. Утром пойдёшь. Если тебя кто сегодня увидит, то либо убьёт со страху, либо вся деревня разбежится. Уж очень ты колоритно выглядишь. Сейчас доберёмся до Семёновска, отдохнём в одном месте, а дальше видно будет, что делать.

Заглушив двигатель, майор вышел из машины и, открыв заднюю дверцу, стянул за ногу на дорогу тело потаповского дурачка.

– Дак, может, нам нужно в милицию ехать и этого с собой везти, – кивнув на убитого юродивого, осторожно спросил Семён, перебравшись на переднее пассажирское сиденье.

– О милиции забудь. Не было ничего. Никто за нами не гнался, – выдёргивая топор из лобового стекла, сказал майор. – А то начнут спрашивать, кто козу украл. И если выяснят, что ты, сам знаешь, страна у нас большая, лагерей много. Могу и не узнать, куда передачку отправить.

– Так мы ж...

– А вот этого никто не узнает. Я лично ничего не видел. Ну а ты если свою историю расскажешь, так вместо лагеря в дурке можешь оказаться. Как видишь, с нашей милицией выбор не особо-то и велик. Кого поймали, того и повязали. А уж если слово лишнее сказал, из лета зиму тебе быстро спроворят.

– Так что мне делать? – уныло спросил Семен у садящегося за руль, вдруг ставшего злым и страшным незнакомца.

– А ничего тебе делать не надо. Ты же уехать хотел. Помогу. На новом месте на работу устроишься, семью выпишешь и заживёшь в лучшем виде. Вот только рот пошире разевай только тогда, когда бутерброд кусаешь. А так всё в полном порядке будет.

Машина, рыкнув мотором, двинулась в сторону Семёновска.

Январь 1938 – октябрь 1941 года

В седьмом штреке прямо на земле сидели три человека. Высохшие землистые лица, сухие, с воспалёнными, раздутыми суставами руки. Грязные, потерявшие вид фуфайки в заплатах, брюки, вытертые и потерявшие цвет, с многочисленными дырами, подвязанные проволокой подошвы ботинок. Всё это свидетельствовало о том, что эти люди уже не один месяц работают на руднике. На вид каждому было лет за пятьдесят. Седые, коротко остриженные головы, опущенные согнутые плечи. Даже когда они сидели, опершись спиной на стену выработки, было видно, как горбятся их фигуры.

На глубине двухсот пятидесяти метров рудника «Удача», а в официальных документах спецлага НКВД № 1769/12, шло незапланированное совещание исполнительного комитета лагерной ячейки ВКП(б). Правда, если придерживаться документов, имеющих в личных делах, хранящихся в сейфе спецчасти лагеря, то бывшим членом большевистской партии из троих был только один.

Член партии с 1924 года, сын потомственных рабочих – мать швея, отец революционер-путиловец, – Иван Сергеевич Маховиков вступил в партию в год смерти вождя мирового пролетариата, будучи студентом Ленинградского политехнического института. В 1928 году женился. Успешно окончив учёбу, был принят на должность мастера на автомобильный завод, где через год стал начальником цеха. В 1937 году обвинён во вредительстве. Приговорён к пятнадцати годам лагерей без права переписки.

Помыкавшись по пересылкам, в одну из зимних ночей 1938 года он, как и многие другие, был выгружен в тупике одной из сибирских станций под резкий свет фонарей и громкий лай собак охраны. Их прибыло триста человек в шести теплушках. Смысл названия этих гробов на колёсах был для зэков давно утрачен. Тепла в них было ровно столько, сколько оставалось в человеческих телах, содержащихся в этих промёрзших до звона стенках деревянных коробов, стоящих на рельсах.

Выпрыгнув на крутой откос насыпи, Маховиков покачнулся и, не удержавшись на ногах, упал – земля уходила из-под ног после двухнедельного качания в дороге – и тут же получил первый урок повиновения – удар валенком в бок.

«Хорошо зимой на этапе. Охрана в валенках, в тяжёлых тулупах. Сильно не ударит – особо не размахнёшься», – подумал он, поднимаясь и пытаясь при резком свете сориентироваться, куда следует двигаться.

Удар прикладом между лопаток послал его лицом на утоптаный снег. Несколько человек, спотыкаясь, прошли по его спине и рукам. Он не видел, как здоровенный охранник двинулся к нему, когда чьи-то руки подхватили его под мышки, а идущие следом отгородили своими спинами от дальнейшей расправы.

Через пять минут всякое движение на огороженной двумя рядами колючей проволоки площадке прекратилось. Прибывший этап стоял спиной к проволочному забору. Перед зэками располагалась охрана в длиннополых тулупах, всё в тех же валенках и ушанках. Стволы винтовок смотрели в толпу. Через одного у ног солдат сидели и скалились на людей огромные псы, кавказские овчарки с густой, не продуваемой ветром и не пропускающий мороз шерстью.

За цепь охраны шагнул человек в шинели с погонами майора НКВД. Лениво прошёлся вдоль передней шеренги зэков, повернулся и позвал:

– Похотин!

К нему тут же подскочил лейтенант в полушубке и в сапогах, начищенных до блеска.

– Порядка не вижу, – процедил сквозь зубы майор.

– Сейчас будет, – вытянувшись, ответил лейтенант и, дав отмашку, добавил: – Только стойла очистили, товарищ старший майор. Мусор сейчас подберём.

– Быстрее шевелитесь!

По взмаху лейтенанта от цепи отделилось несколько конвоиров и, прикладами винтовок выгнав из общего строя человек тридцать, повели их обратно к составу. Смысл их действий стал понятен, когда эта бригада стала выбрасывать из вагонов на откос насыпи тех, кто не смог самостоятельно покинуть продуваемые коробки товарняка. Таких набралось тридцать шесть человек, а точнее, тел, которые ровным рядом уложили за спиной цепи конвоя.

– Ваше приказание выполнено, товарищ старший майор, – доложил лейтенант, встав рядом со своим начальником, медленно перебрасывающим дымящуюся во рту папиросу из одного угла рта в другой.

– С прибытием, господа удачливые, – проговорил майор.

Строй зэков угрюмо молчал, опустив головы.

– Шапки снять, морды вперёд, – по-петушиному взвизгнул лейтенант из-за плеча своего начальника.

Майор недовольно поморщился.

Строй колыхнулся. Этап снял головные уборы и поднял лица, устремив взгляды на майора и цепь охраны.

– Удачливые вы трижды, – продолжал майор. – Во-первых, потому, что удачно доехали по сравнению с ними. – Майор махнул рукой себе за спину, где на снегу лежали начинавшие коченеть тела теперь уже бывших зэков. – Во-вторых, потому, что попали на прииск, именуемый местными «Удача». А в-третьих, что попали ко мне, старшему майору НКВД Потюпкину, человеку строгому, но справедливому. За господ извиняйте, конечно. Были вы господами, пока вас везли, охраняли, кормили и делать ничего не заставляли. Теперь вы никто. Понятно: никто! Знакомиться я с вами сейчас не буду, чтобы время зря не терять. Вам ещё двадцать километров до дома топать, вот с теми, кто дойдёт, и буду потом знакомиться. Лейтенант, начинай переключку. Холодовато что-то становится. Поехал я. По прибытии доложишь.

– Слушаюсь, товарищ старший майор, – вытянувшись, козырнул летёха и, подождав, пока начальство прошло через обтянутую колючей проволокой калитку и уселось в ожидающую эмку, прокричал: – Внимание, начинаю переключку! Названный делает шаг вперёд перед строем, громко и четко докладывает фамилию, имя, отчество, год рождения, статью, по которой осуждён, и выходит в калитку. Если кто после переключки останется на месте, спишу в неудачливые.

Он взял первую папку из рук начальника конвоя, доставившего зэков.

– Медведев, – прозвучало на морозном, пронизывающем ветру.

Когда переключка закончилась, на снегу осталось лежать пять человек.

– Этих – к неудачникам, – лениво пнув каждое тело, проговорил лейтенант.

Трупы и едва дышащие, но не способные пошевелиться люди были вповалку погружены в две ожидавшие за колючкой полуторки.

– В колонну по трое становись! – прозвучала команда. – Двигаемся быстро, по дороге согреетесь, да и в палатках теплее сразу станет, – напутствовал лейтенант с подножки машины, накидывая на себя тулуп и захлопывая дверцу.

С той памятной для Маховикова ночи прошло больше двух лет. Тоннели золотоносного прииска разбегались вширь и уходили в глубь. Рос прииск, росли горы отработанной породы, росло и кладбище под сенью вековых сосен в паре сотен метров от колючей проволоки.

Война дышала в лицо первому государству рабочих и крестьян. Конвои стали поступать в лагерь всё чаще. Возросла добыча, но и кладбище стало расти, уходя всё дальше в тайгу. Именно в это время по лагерю начал ходить слух, что бродит по штольням и штрекам старик с белой окладистой бородой да посохом в руках. Одет в зипун, подпоясанный верёвкой, на ногах лапти, простоволос, да телом, видно, ещё крепок. Некоторые пытались догнать старика, но исчезал он в темноте тоннелей, как в воду мутную нырял, растворяясь во тьме непроглядной.

Много баек про того старика ходить по зоне начало. Одни утверждали, что бродит по штольням хозяин рудника, пригляд за своим хозяйством имеет да от своего сокровища основного, где не руда, а сплошные стены золотые, бригады старательские отводит. Другие склонялись к тому, что это старатель старый и выход с рудника на волю знает. Старается ночами помаленьку, где выход жилы побогаче. Руду уносит и промывает себе либо в ручьях подземных, либо на волюшке. Наиболее трезвые смеялись над первыми и вторыми, головы давая на отруб, что всё это глюки людские, у тех, кто по свободе стосковался да не смирился с положением своим рабским.

Естественно, всё это доходило до охраны. Много среди лагерников людишек, желающих за кусок хлеба, тайком охраной в карман сунутый, ближнего своего продать с потрохами, да тем более на шару. Говори только поболе да от себя привирай – вот он, кусок посытнее да от охраны послабление.

Но не лохи в охране лагерной, псы натасканные. Человека по слову другого в хомут обрядить да загнать туда, где Макар телят не пас, – это пожалуйста. Байкам про деда на слово не верят, факты им подавай. Да где ж те факты возьмутся? Вот самых говорливых и рассадили по карцерам, чтобы либо вспомнили всё хорошенько, либо народ в зоне не мутили. Горемык некоторых так и забыли выпустить вовремя, при порядках-то железных, да сволокли потом тоже на кладбище. Другим в пример станет.

Но не успокоились псы экавэдэшные, сами в штольни полезли засады ладить, силу свою показать. Мы, мол, тут хозяева, больше некому. Ан вышло не по их. Рухнула одна из штолен, да привалило пятерых голубчиков до смерти. Шмон тут по лагерю начался. С уголовных как с гуся вода, а политическим досталось. Кое-кто и дополнительные сроки схлопотал, за вредную агитацию и пропаганду.

Маховиков те осенние промозглые ночи сорокового года хорошо запомнил. В одну из таких ночей сон странный ему приснился, будто встал он со своего топчана до ветру, из палатки вышел, а вместо сортира к штольне отправился. Спустился на третий горизонт и пошёл по давно заброшенной выработке. Идёт, удивляется, всё вокруг прекрасно видно и знакомо, но ни фонаря керосинового, ни факела в руках у него нет. А сон тот удивительный дальше продолжается. Попал он в штрек незнакомый. Что за чудеса такие? За два с лишним года везде успел побывать, а тут не был. Неожиданно огонёк впереди появился, помаргивает так весело, сплит, когда на него смотришь, вокруг тьму сгущает. Дошёл до огня, пригляделся. Малый костерок сухим деревом потрескивает, дыму не даёт. Сидит по другую его сторону старик древний, в точности такой, как в лагере о нём говорили. Простоволосый, голова – серебро, зипун да лапти в полутьме тенями от огня играют, глаза светлые на него уставил.

– ... Жду я тебя, Иван Сергеевич, – говорит, – а тебя нет и нет. – А сам и рта-то не раскрыл.

– Здесь я, отче. Только сон ведь всё это, воображение воспалённого мозга моего.

– Может, да, а может, и нет, – отвечает старик. – А только скажи мне, что бы ты сейчас хотел узнать больше всего.

– А хотел бы я узнать, – отвечаю, – что с моей семьёй делается, где они и здоровы ли?

– Скрепи сердце своё, сыне, – говорит старик. – Ждут тебя известия нерадостные. Готов ли?

– Готов, – вздохнул.

Светлое пятно на стене появилось, будто экран в кинотеатре высветился, только размера малого. Увидел я на том экране отца, лежащего на нарах, да мужика рядом, кружку воды ему подающего. Отпил отец воды глоток да вроде как меня увидел. Взгляд осмысленный стал, не болезненно-лихорадочный. Посмотрел на меня да и говорит: «Держись, сын. Маховиковых судьба гнула, да сломить не могла», – с теми словами и отошёл, своему товарищу на плечо откинувшись.

Показал старик и матушкину могилку. Судя по дате на кресте, она через полгода после моего ареста умерла.

Захолонуло сердце моё. Один как перст на земле остался. Такая безысходность за душу взяла, что иди да вешайся.

Только старик мои мысли как по книге читает.

– Нельзя, – говорит, – Иван, Божий промысел нарушать. Не просто так ты на белый свет появился, судьба тебе уготована не из лёгких, для других жить, как я живу. Приходи сюда завтра, ждать буду.

Тут и пропало всё. Будто свет выключили. Открыл я глаза, головой потряс: до чего сон реальный. Сам на нарах лежу, храп, стоны, кто-то во сне разговаривает. На старой брезентухе над головой капли, как обычно, собираются. Встал, вышел из палатки, руки трясутся. Самокрутку кое-как свернул, закурил. В голове всё крутится: правду ли старик сказал, или вещие сны – рассказы бабкины? Так до утра без сна с боку на бок и промаялся. Но недолго я в сомнениях находился. Утром в администрацию лагеря вызывают, и объявляет мне репа откормленная, что отец мой – враг народа, скончался в больнице спецлага №... ну и так далее, августа числа восемнадцатого года сорокового.

– И ты бы тут не задерживался, – на прощание репа желает.

Ох, как ответить хотелось, да не было мне сегодня дороги в карцер, в незнакомый штрек была, а в карцер – нет.

Не помню, как день тот пережил, перемучился, а после отбоя, когда утомонились все, встал до ветру сходить. Всё, как во сне, повторилось, только дорога теперь знакомая, и знаю я, где тот проход невидимый, что в ранее незнакомую мне штольню привёл, и костерок, как вчера, потрескивает, и старик сидит, будто со вчерашнего дня и не двигался.

– Ну, здравствуй, сыне, – говорит, голос глубокий, ласковый. – Присаживайся, в ногах правды нет.

Сел я на камень, как для меня приготовленный, а у самого думка в голове крутится, не сон ли это. Так и хочется старца потрогать. А он как мысли мои читает:

– Не сон это, Иван, не сон, – и руку мне над костерком протягивает.

Взял я руку его. Жёсткая рука, мозолистая, только тепло и уверенность после того прикосновения по всему телу разлилось, силой неведомой наполнившись.

– Зови меня отцом Филаретом. А за сон вещий прости, хотя за правду прощение просить грех, но за боль душевную. Времена сейчас на Руси невесёлые, но впереди тьма ещё более страшная, и нужно мне из этих мест уходить, в другом месте службу нести. Оставить свой приход без преемника не могу. Знай, из архангельских волхвов мы, и ты – внук Митяя, друга и единоверца моего, чекистами в святой обители расстрелянного. Не для того говорю, чтобы злобу и месть в твоей душе породить, а для знания правды и способности прощать, что душу исконно русскую крепит. Знаю, много вопросов у тебя, только вот времени у нас с тобой нет. Вот здесь, – приложил он руку к стене, – ведун-камень находится. Он тебе и советчиком, и наставником будет. Что можно, покажет, а когда и подскажет, не обессудь, то мной велено. Отрок ты ещё, но сила правды в тебе. Людям помогай осторожно, будто всё само собой делается. Крепок должен быть человек душой, сам по сути своей, иначе гибель народу русскому. Ну да сам поймёшь, не зря камень-ведун признал тебя.

Вспыхнул тут костерок ослепительно-ярким пламенем и потух, а когда вновь слегка затеплился, не стало в штольне отца Филарета.

С тех пор воды немало утекло. Содрогнулась Россия от удара коварного, но выстояла. Сколько уж душ невинных с той поры, как волхв Филарет с этих мест ушёл, сохранено, сам не знаю. Вот только подлость и жадность человеческая ещё явственнее передо мной встала. Камень-ведун нет-нет да покажет приказ секретный, что на стол майору Потюпкину доставили. Или сон вещий приснится, что на дальней заимке женский лагерь организован. Майор

с присными своими там полным зверем становится, баб терзая. Купил он вагон женщин у подельничка своего, иначе и не назовёшь. Списаны те женщины вчистую в спецлаг полковника Долгопятова. Умерли на работах от простуд и другой хвори. Потюпкин полковнику спецкурьера направлял, золотым песком ворованным за женщин расплачивался. В лагере том всякие станки, дыбы да кресла понапридумывал. Мало ему, что отказу нет, так надо перед этим делом ещё над телом девичьим поиздеваться.

Сидим мы тут втроём, приговор майору вынесли, и двое думу думают, как бы сподручнее майора в расход пустить, чтобы вины на лагерниках не было. Пусть думают, только я знаю точно, что взбесится завтра пёс майора, охранник его четвероногий, и загрызёт хозяина, что кровавой медвежатиной его выкармливал, когда люди с голоду пухли. Другая у меня дума. Приказ у майора на столе лежит, не объявит он его, не успеет. Кто-то из присных на лагерной проверке позже петухом прокричит. В приказе том воля Верховного главнокомандующего, товарища Сталина. Все желающие искупить свою вину кровью могут в армию идти отечество родное от ворога коварного защищать.

Формируют из нашего брата штрафные батальоны, и ежели ты выживешь, врага атакуя, да при этом ранен будешь, то все твои грехи перед советской властью тебе прощаются. Становишься ты полноправным гражданином страны советской, и члены твоей семьи, что по лагерям да ссылкам, домой вернутся.

Вот и пришло моё времечко. Волхв из меня никакой, а солдат, думаю, получится. Уж много злости во мне накопилось, да и жизнь свою в грош не ставлю, то всему лагерю ведомо, когда с уголовной братвой схлестнулся. Если государство родное мне только пятнадцать лет определило, за вредительство, якобы мной совершённое, то воровской сходняк смертный приговор вынес. Жалобу кассационную не подашь, не примут. Решение окончательное. Обжалованию не подлежит.

Уйду я с батальоном. Митрича вот, что справа от меня сидит, за себя оставлю. Лагерник тёртый, жизнь понимает. Расскажу, как с учётчиком себя вести, как Ваське-вертухаю хвост маленько прижать, чтобы облегчение людишкам в карцерах было. Про пахана нашего, зоновского Гуляя, есть что замолвить. Про заначку Потюпкина, в тайге захороненную. расскажу. Проклятое то золото. С кровью оно. Перелить его надо в чаши церковные да кресты нательные. Решено, уйду.

Подождёт ведун-камень. Не меня, так другого дождётся. Сила земли Русской, веками копившаяся, и без меня не пропадёт. Найдутся руки достойные, что на правое дело её применят.

25 июня – 17 июля 2008 года

Законопослушный гражданин России и известный на весь край бизнесмен Василий Семёнович Слямин, а по милицеским учётам криминальный авторитет Ляма возлежал в своём особняке на диване и смотрел очередной боевик. На экране Дольф Лундгрэн косил своих врагов из пулемёта и раздавал направо и налево смертоносные удары. Фильм особо не занимал. И Слямин перебирал в уме варианты возрождения золотоносного прииска, который давно считал своим.

Собственно говоря, выбирать особо было не из чего. Вариантов всего два. Либо набивать потуже портфель зелёным баблом, ехать в администрацию и башлять не по малой её главу, откормленного и жадного хряка. Получить его поддержку, а потом направляться вместе с ним в Москву, набив на этот раз уже чемодан зеленью. Зелени не жалко, но был бы толк. Помурьжат-помурьжат, выцедят, что корову дойную, и от винта. Времена нынче изменились, не правительство, а кидалово сплошное. С московских чинуш, если дело не выгорит, обратно бабло не спросишь, беспредельщики конченные. Да и президент, не к ночи будь помянут, глаза приоткрыл. Коррупция. С опаской чинуши живут. Враз миллионщиками хотят стать. Да кто против? Гребни, но и другим дай жить.

Всё глава, эта сука, мало всё ему. Ну нашли нарушения. Приостановили действие лицензии. Исправил всё – и старайся дальше. Так нет же, отобрали с концами.

Злость и обида переполнили авторитета через край, и он, не допив любимый коньяк, запустил хрустальным бокалом в стену. Осколки брызнули в разные стороны. Это несколько успокоило Слямина.

«Нет, большой вам и толстый в ручонки потненькие, – решил авторитет. – Придётся играть второй вариант. Он, правда, тоже не без заморочек, но, похоже, другого пути нет. Оборудование на руднике не вывезено. Маскировочную сеть купили. Вертолёт природоохраны да егерей всегда отследить можно. На худой конец, мало ли аварий случается, полетали, и будет. Вот с людишками вопрос особый. Местных на работу не возьмешь, сразу слух пойдёт. Своих парней в тайгу отправить можно, но работать они не будут. Охранники из них ещё туда-сюда, а старатели никакие. Да и менты сразу зашевелиятся. Куда Лямины люди подевались? Где какую каверзу готовят? Копать начнут».

Людишек надо на стороне набирать. Да таких, чтобы не искал их потом никто. Бомжи тут не подойдут. Работать разучились. В старательском деле ничего не смыслят. С охраной проще. В бригаду очередь стоит. Бойцов набрать можно, но зелёных в тайгу не пошлешь. Половину своих всё равно отправлять придётся. Один плюс во всём этом деле: ни с кем делиться не придётся.

Настроение стало понемногу улучшаться. Авторитет даже начал что-то насвистывать, но, вовремя вспомнив народную примету, что свист приводит к отсутствию денег, прекратил свои музыкальные потуги.

Кроме того, ещё одна непонятка в тайге объявилась. Опытные охотники-промысловики да старатели пропадать стали. Молва на него грешит, но не при делах он тут. Слух прошёл, чёрный шаман в тайге появился. Ну да это дело поправимое. Митрича в тайгу направил. Этот шамана и под землёй найдёт да стрелку забьёт. Много ли тому шаману надо? Золотишко ему ни к чему, а петухов и коз для его обрядов – косой косить не перекосить. Нужда прижмёт, можно и человеческой кровью расплатиться, с нас не убудет. Мысленно авторитет потирал руки, подсчитывал будущую прибыль.

Стук в комнату оторвал Слямина от размышлений.

– Входи, – проговорил он.

В дверях появился старший охраны Фрол.

– Митрич пришёл, Василь Семёныч, – доложил он.

– Раз пришёл, то давай его сюда. Давно жду.

Гигант помялся в дверях, явно не решаясь что-то сказать.

– Ну, что там у тебя ещё?

– Да с тайги он. Грязен как чёрт. – Охранник кивнул на белую кожу обивки итальянской мебели, стоящей в гостиной.

– На кухню проводи, я сейчас спущусь, – соглашаясь с охранником, проговорил хозяин.

«Вот дело и сдвинулось, – спускаясь по лестнице, подумал он. – Митрич без результата не придёт. Если нужно, месяц в тайге пропадать будет, а то, что надо, найдёт».

На кухне Слямина ожидал заросший до глаз густой свалевшейся бородой невысокий худой мужичок. Серый толстой домашней вязки свитер висел на нём мешком. Потерявшие свой естественный цвет штаны были заправлены в стоптанные, но ещё крепкие кирзачи. Шапка, не снимаемая охотником ни зимой, ни летом, была лихо заломлена на затылок.

Слямин поморщился. От Митрича пахло давно не мытым телом и крутым самосадом.

«Хорошо, хоть плащ с него сняли и котомку свою сюда не притащил», – подумал авторитет, молча пожимая руку гостю.

Между мужчинами уже давно установился определённый ритуал общения. Пройдя к холодильнику, хозяин вынул из его недр бутылку спирта, тарелку с тонко нарезанными ломтиками копчёного мяса и, прихватив с полки два стакана, вернулся к столу. Молча разлив спирт – Митричу до краев, себе половину, – авторитет поднял свой стакан и, не чокаясь, выпил.

Охотник пил спирт медленно, как воду, процеживая его сквозь крепкие желтоватые зубы. В своём далеком прошлом Митрич, по лагерному погонялу Кремень, данному ему за твёрдый негибавший характер, отсидел десять лет за убийство. Вернувшись в родные места, стал промыслять в тайге зверя да старался по золотишку. Случай вышел: спас Слямин бывшего зэка, когда тот в болоте тонул. По всему выходило, обязан Митрич своему спасителю. В тот момент да и по сей день ни слова благодарности, ни намёка на долг высказано не было. Выпили они тогда, обсушились да разошлись. Память осталась. Вот за ту память молча и пили.

Неделю назад обратился Слямин к охотнику с просьбой чёрного шамана найти, если не слухи это пустые. Был риск. Мог Митрич из тайги не вернуться. Нет, вернулся. Рукавом рот утирает. По всему видно, верный у него таёжный ангел-хранитель. Сидит цел-невредим, самокрутку вертит, презрительно от предложенной пачки «Парламента» отмахнувшись. Пустил густую струю дыма в потолок.

– В лосиной пади живёт, – без вступления проговорил гость. – Ляму, говорит, давно жду. Духи сказали, идти боится. Пусть, говорит, не боится, идёт.

– Проводишь?

– Только до сосны поваленной. Там дальше напрямки, не дале пяти вёрст будет.

– Когда приходить, не сказал?

– Сказал, ждёт, значит, уже опаздываешь.

– Завтра. Ты как?

Митрич затянулся своей самокруткой и молча пожал плечами:

– Завтра и пойдём. До заимки на машине.

Охотник встал со стула и пошёл к выходу из кухни.

«Слова лишнего не вытянешь. Привык молчком в тайге. И баба у него такая», – с долей лёгкой зависти подумал, смотря вслед гостю, Слямин.

Спал он в эту ночь плохо. Так и эдак прикидывал, как с шаманом разговор вести. Главное, непонятно было, можно ли с рудником дело начинать? Да только во что встанет договор с хозяином тайги? Промаявшись почти до рассвета, Ляма успокоил себя, что не дороже встанет, чем хряка кормить. А не сойдутся в цене, то и упокоить можно шута таёжного. Риск в том есть.

Немало о нечистом слухов ходит. Если и вполтину правда, то лучше о втором варианте и не думать. Забылся авторитет только уже с рассветом беспокойным, коротким сном.

Утро выдалось прохладное. В низинах лежал лёгкий туман. Фрол в таёжных делах понятие имел, и всё, что нужно, уже лежало в небольшом рюкзаке, брошенном на заднее сиденье заправленного внедорожника. Там же в чехле покоился лёгкий пятизарядный карабин.

– Вернусь к вечеру, – проговорил хозяин, садясь за руль и захлопывая дверцу машины.

Выехав за ворота, джип сразу притормозил. В пяти метрах, прислонясь к стволу сосны, стоял Митрич и нещадно дымил огромной козьей ножкой.

– Козу оставь, – опуская стекло, проговорил Слямин, – задохнёмся тут.

Охотник спорить не стал. Сбив ударом ногтя огонь самокрутки, по привычке тщательно растёр его сапогом и полез на сиденье.

За все три часа дороги охотник не обмолвился ни словом. На вопрос, что может хотеть шаман, Митрич только молча пожал плечами.

Оставив джип на заимке, отшагали ещё час лесом до поваленной сосны. Так же молчком отдохнули, перекурив, и охотник без слов указал направление, по которому должен идти Слямин.

Авторитет в тайге новичком не был, компасом и картой не пользовался, поэтому зашагал вперёд уверенно да ходко, тем более что ранее в лосиной пади бывать доводилось.

То, что его путешествие подходит к концу, он понял, не только пользуясь знакомыми приметами. Неожиданно впереди глухо ударил бубен. То ли чёрный шаман давал понять, что знает о приближении гостя, то ли гостеприимно указывал направление. В последнее, правда, не особо верилось. Слямин взял правее, ориентируясь на звук колдовского инструмента. Наличие чертей, привидений и прочей нечисти он отрицал, но признавал, что есть в тайге сила, человеку непонятная и чаще всего враждебная.

Теперь звук бубна слышался слева. Он слегка повернул, но тут же глухо бухнуло справа. Сила звука и направление, откуда он раздавался, начали меняться каждые десять – пятнадцать шагов. Вот только что ухнуло из-за куста в каких-то двадцати метрах, и почти сразу зазвучала чуть слышно частая дробь примерно в километре. Бубен то звал к себе спереди, то угрожал сзади, то, казалось, разливался мелким смехом со всех сторон, дразня путника. В пятнадцати метрах слева что-то мелькнуло, скрывшись за сосной. Появилось отчётливое ощущение упёршегося в затылок враждебного взгляда. Впереди опять мелькнула тень. К горлу подступила тошнота, стволы сосен начали медленно покачиваться, колени ослабли. Желание сесть прямо на хвою становилось всё более непреодолимым.

Слямин остановился, глубоко задышал, пытаясь прогнать неприятное состояние беспомощности и сориентироваться. Всё правильно, до лосиной пади оставалось метров триста. Он уже почувствовал, что почва под ногами пошла под уклон. Запахло костром. Бубен смолк. Он доказал пришельцу свою силу, и теперь его хозяин ждал гостя, ошеломлённого и слегка подавленного тёмной властью леса.

Справа и слева сосны начали подниматься по ещё невысоким склонам, и, пройдя вперёд метров пятьдесят, авторитет вышел на свободное пространство.

Посреди утопанной площадки был вкопан старый ошкуренный столб. Вся его поверхность испещрена непонятными знаками. Низ столба в пятнах тёмно-бурого цвета. Заострённую вершину венчала медвежья голова. Метрах в трёх от его подножия лежал валун с плоской верхней частью в буро-красных потёках. В нос ударил резкий запах костра, слегка дымящегося в стороне. Там же раскинулся небольшой вигвам, крытый старыми оленьими и лосиными шкурами. Над жилищем шамана протянула свою сухую ветвь старая сосна. Древесина ветви была вытерта до белизны, и на ней, как на насесте, сидел огромный чёрный ворон.

Слямин много лет не был в лосиной пади, но знал, что никогда на этой поляне не лежал камень. Жертвенник был под тонну весом, но никаких следов его транспортировки сюда на

почве не было видно. Как старик притащил сюда эту громаду, было абсолютно непонятно. Ставил в тупик и другой факт: такой резкий запах костра он должен был почувствовать метров за пятьсот, но этого не случилось.

«Накидал в костёр каких-то кореньев, вот я и поплыл», – противореча своим только что сделанным выводам, подумал Слямин.

За спиной глухо бухнуло. Он повернулся. В метре от него стоял шаман.

Таёжная молва справедливо окрестила его чёрным. Невысокую фигуру скрывала, свисая до пят, чёрная медвежья шкура. На голове высокая шапка того же меха. Из-под неё на лицо и плечи свисали длинные седые пряди волос. Лицо и кисти рук, державшие перед собой бубен, были черны. Из темноты сквозь завесу седых косм проглядывали белки глаз.

Дав гостю осмотреть себя и, в свою очередь, внимательно оглядев пришлого, шаман, медленно постукивая в бубен, обошёл его трижды и, окончив ритуал очищения, пошёл к костру.

Слямин снял рюкзак, положил на него карабин и подошёл к жертвенному камню. Постояв перед ним несколько мгновений, он бросил взгляд на шамана, устроившегося у костра и наблюдавшего за ним. Шаман кивнул, и гость положил на жертвенник золотой самородок. Ещё немного постояв, авторитет подошёл к костру и сел на один из окружающих его камней напротив шамана.

На короткое время установилась полная тишина, нарушенная хриплым голосом хозяина пади:

- Духи сказали, ты хочешь говорить со мной.
- Да. Я хотел попросить тебя и твоих духов помощи в одном деле.
- Я знаю, ты опять хочешь добывать тяжёлый жёлтый песок.
- Твои духи видят далеко и знают всё.
- Это так. Они сказали, что ты всё хочешь делать тайно от других людей.
- Это правда.
- Что ты просишь?

– Мои люди беспрепятственно приходят на рудник. У них много работы, в том числе охрана тех, кто будет добывать жёлтый песок. Я прошу, чтобы твои духи не пускали в тайгу чужих. Если кто-то узнает, что на руднике идут работы, здесь сразу же появится много лишних людей. Будет шумно, как в большом городе, а тайга шума не любит. Пусть только духи не убивают пришлых. Пусть отводят подальше в сторону, лишают памяти, но чтобы чужаки выходили из тайги. Если человек пропал, его ищут. Милиция, охотники, МЧС.

- Я поговорю с духами.

Шаман взял бубен, положил его на колени и, склонив голову, застучал на нём медленный ритм. Прошла минута, вторая. Звучание прекратилось, но шаман не изменил позы. Он прислушивался. Бубен снова застучал. Теперь ритм был другой, настойчивый и властный. Колдовской инструмент приказывал. Каждый удар вгонял скрытый в нём смысл тем, кому предназначался.

«Какой бред, – мелькнуло в голове у Слямина. – Двадцать первый век. Космос, телефоны, факсы, а я сижу тут как придурок. Жду, когда дикий псих переговорит с никем на своей брынчалке. Соболаговолит выдать решение, от которого зависит, попадут ли в мои карманы сотни тысяч, а может, и миллионы долларов».

От этих мыслей его отвлёк глухой голос хозяина:

- Духи сказали, что ты сомневаешься в их власти и силе.

Слямина бросило в пот. Он плотнее прижал свои руки к коленям, чтобы не было заметно, что они начали дрожать.

– Если бы я сомневался, то меня бы тут не было, – чуть хрипловатым голосом проговорил он, так как во рту внезапно пересохло.

– Ещё они сказали, что тайга принадлежит им, но они согласны поделиться. Жертвенный камень принял твой дар, и он понравился духам.

Шаман сделал жест в сторону ритуальной площадки.

Авторитет повернулся, но не увидел на камне самородка, оставленного на нём несколько минут назад.

– Я просил духов. Они согласны отвести чужих от места, где ты будешь брать жёлтый песок. Но ты должен будешь сделать две вещи. Духам надо знать, где останавливать чужих, идущих в тайгу. Для этого твоим людям необходимо взять землю из леса мёртвых и оставить её там, где я укажу. Жёлтый песок сводит людей с ума, зато делает духов сильнее. Жертвенный камень каждую луну должен принять дар, чтобы успокоить духов, дать им сил, иначе они возжаждут крови. Если ты согласен, скажи сейчас. Если нет, тоже скажи. Духи проводят тебя. Но пусть тогда твои люди не ходят в тайгу.

– А как я узнаю, что твои духи довольны и приняли дар?

– Не беспокойся, я прослежу за этим.

– Сколько нужно взять земли из леса мёртвых?

– Я дам тебе священную чашу духов. Когда всё будет сделано, ты вернёшь её. В каждое указанное место надо будет насыпать по три чаши. Не шути с духами. Вся земля из леса мёртвых должна попасть сначала в чашу и только потом туда, куда надо.

Шаман пошарил за своей спиной и через секунду протянул над костром руку, сжимавшую потрескавшийся, чёрный от копоти деревянный сосуд, формой напоминающий большую миску. Его бока были покрыты непонятными знаками, по всей видимости заклинаниями, края выщерблены от частого употребления.

«Сколько же это копать придётся!» – охнул про себя Слямин, прикинув, что в миску должно входить не меньше пяти килограммов земли.

Он взял чашу и положил себе на колени.

– Приходи на заимку через три дня, я покажу, где нужно будет поставить знак духам. Ещё они сказали, что скоро к тебе придёт один человек. Этот человек принесёт тебе удачу. Не отворачивайся от него.

Шаман склонил голову и начал чуть слышно что-то бормотать, изредка постукивая пальцем по бубну.

Гость подождал несколько минут, но, видя, что хозяин не обращает на него внимания и фактически впал в транс, тихо поднялся. Подойдя к своему рюкзаку, он запихал в него миску и пристроил его на плечи. Взяв в руки карабин, он ещё раз посмотрел на хозяина пади. В его позе ничего не изменилось. Разговор был окончен.

Только отойдя примерно с километр от шаманского стойбища, авторитет позволил себе далеко послать предков шамана до седьмого колена.

– Чёрная дрянь! – бушевал он. – Золото ему понадобилось! Щипал бы себе кур да резал на своём кирпиче! И этот туда же! Бизнес-лес фулев. Кто ж так бизнес ведёт? Назови точную цену. Выслушай другую сторону. Скинь маленько. Вот так дела делаются. «Я прослежу», – язвительно передразнил он шамана. – За своим карманом я как-нибудь сам прослежу, чучело лесное.

Все пять вёрст до поваленной сосны авторитет накручивал себя, мысленно подсчитывая будущие потери. Настроение окончательно испортилось. Мелькнула даже крамольная мысль, а не выписать ли чучелу билет в один конец. Но, вспомнив проделанную дорогу к лосиной пади, передумал.

«Интересно, а его духи считать умеют? – Такая, казалось бы, простая мысль привела его в хорошее настроение. – Дух – налоговый инспектор». Слямин фыркнул, широко улыбаясь пришедшему сравнению.

К месту встречи с Митричем он уже подходил в прекрасном настроении, рисуя уморительные картины, как обвешивает и обсчитывает духов.

О результатах похода охотник ничего не спросил и, определив по походке авторитета, что останавливаться на отдых тот не собирается, вскинул свою котомку на плечи и двинулся к заимке, улавливая опытным слухом бодрую походку попутчика.

В Семёновск, как и планировалось, они вернулись ещё до наступления темноты. Остановив машину у хибары Митрича, Слямин протянул лесовику пяти тысячную купюру, но тот, не обращая на неё внимания, стал вылезать из машины. Когда он уже захлопнул дверцу, в открытое окно высунулась рука с бутылкой, в которой плескалась бесцветная жидкость. Охотник взял спирт, сунул сосуд в карман штанов и, уже повернувшись, махнул рукой, прощаясь.

Копали трое. Грунт шёл легко. Песчаник. Несмотря на недюжинную силу копателей, работа подвигалась не особенно быстро. Дело было даже не в том, что руки за всю жизнь своего хозяина привыкли больше сжиматься в кулаки или держать рукоять пистолета, ножа или кастет, почти растеряв генетическую память обычного крестьянского труда. Мозолистой руки, держащей черенок лопаты. Значительно тормозила работу окружающая обстановка. Хотя они посмеивались сами над собой, но нет-нет да оглядывались через плечо или, наклоняясь, поглядывали из-под мышки. Лес мёртвых – он и есть лес мёртвых. Кому на кладбище бывает весело, тем более что пришёл не дедушкину могилку убрать и не внучатой племяннице букет луговых цветов принёс.

Было ещё одно неудобство: Ляма приказал рыть глубоко, до костей. Из каждой могилы брать не более трёх мер земли, после чего переходить к следующей.

– Знаю я вас, халявщики, – говорил он, направляя бригаду штрафников в тайгу. – Приеду проверю. Если увижу, что пытались меня обмануть, в одну из тех ямок и ляжете.

Штрафники знали, что хозяин может конкретно выполнить своё обещание, и поэтому работали если не за совесть, то за свою жизнь точно. Кто знает, что у него на уме? Иногда покричит-покричит, и на этом всё кончается, а были случаи, отвернётся и молчком – бабах, никто и разобраться не успел, откуда волюну достал и как выстрелил, не поворачиваясь.

Собственно, штрафников было двое. Дрозд, крепко приняв на грудь в «Лебеде», съехал с катушек, попортил несколько фейсов и интерьер ресторана. Но не пофартило братану вовремя сделать ноги. Глядишь, и обошлось бы. Менты в этот раз расстарались и приехали, с точки зрения Дрозда, не вовремя. Пришлось Слямину выкупать своего бойца. На Дрозда ему, собственно, наплевать. Братва знать должна, что за её спиной защита есть, и работать тогда будет без страха. Поморщившись, авторитет выложил кому надо пачку зелёных, и попал Дрозд в штрафники, без ежемесячного навара, на сумму долга хозяину.

Кокос на мохнатый сейф налетел. Родители девахи не стали поднимать шума, а зная, кто хозяин парня, пришли прямо к Ляме. Можно было их, конечно, и послать накоротке да пригрозить, чтобы за дочкой лучше следили, но справедливость – это тоже капитал, посчитал хозяин.

И стоимость той справедливости обошлась Кокосу в штуку баксов.

Третьим был Фрол, правая рука Слямина. Похоже, дело было ответственное, так как именно он возглавлял бригаду копателей. Старший твёрдо отмерял три меры, и бригада переходила к следующей могиле. Во время перекуров, чтобы поддержать настроение напарников, Фрол шутил, что им повезло. Могилы неглубокие, всего в метр. Видимо, хоронили зимой.

Шутка на кладбище – дурной знак. Если бы он знал, что в зимний период комендант лагеря запрещал похороны... Трупы складировались в обыкновенный щелястый сарай, и к весне, когда грунт на кладбище оттаивал, клиенты морга лежали в нём штабелями почти до потолка. Весенние похороны в лагере были братскими. Зимой незачем было растрачивать силы эков на рытьё могил, они были нужны стране для добычи золота.

Братаны насыпали землю в мешки, сваливали их по десятку на телегу и в вечерних сумерках начинали движение в места, указанные Фролом. Достигнув его, чертыхаясь в темноте, раз-

вязывали один из мешков, отмеряли грязной деревянной посудиною три меры, проезжали ещё с километр и повторяли операцию вновь. Однажды Фрол приказал сбросить в одном месте три мешка, а когда они поехали обратно, мешков не обнаружили. Кому и зачем понадобилась эта земля, они не знали, а любопытствовать у старшего не рисковали. Можно было и схлопотать.

Чёрный шаман, когда Слямин приехал через три дня на заимку, дал точные и исчерпывающие указания, где метить тропу. Ляма, в свою очередь, через пару дней провёз по маршруту Фрола. С составом бригады хозяин решил быстро. Не каждый из его парней даже под страхом смерти отправился бы раскапывать старое кладбище. И не погрозишь особо. Дело гнилое, непонятное. Могут в отказ пойти. По полной не спросишь, и урон авторитету. Слухи пойдут. Это тоже не польза делу.

Ляма рисковать не стал. Пусть хоть и медленно, зато верно и тихо. Фрола предупредил, чтобы языками потом не болтали, а долги обещал списать. Вот так и оказалась бригада в лесу в малом числе. За десять дней с этой лабудой управились, и Фрол в преддверии выходного разрешил сегодня каждому по пузырю опрокинуть.

Сидели работнички у костра, языком лязгали. Дела былые, лихие вспоминали, а когда на донышке уже оставалось, заспорили, зачем это Ляме такую хрень в тайге учинять. Непонятка сплошная. Единственное, что на ум приходит, – связался Ляма с чёрными силами. Хочет под себя весь край забрать, вот с малого и начинается.

В темноте неожиданно ухнуло. Не то филин, не то леший к полуночникам подбирается. Посмеялись. Опять ухнуло, но ближе. Костёр, уже прогоревший, вновь свои языки вверх потянул, вспыхнув ярко. Замелькало что-то вокруг, но оглянуться, а уж тем более встать и карабин молодецки вскинуть сил нет. Хорошо, тепло телу, да и опасности вроде никакой. Мелькает в тенях мятущихся что-то, ну и пусть мелькает. На то она и тайга-матушка, чтобы свои тайны иметь.

Копатели и не заметили, как провалились во тьму непроглядную.

Фрол проснулся первым.

«Что это с пузыря сморило меня?» – удивлённо подумал он, приподнимаясь на локте и оглядывая место ночного гульбища.

Дрозд с Кокосом спали. Один свернулся калачиком, другой раскидал свои копыта и клешни в разные стороны.

«Братаны тоже не дураки выпить. Первый пузырь только для затравки, а и они тоже готовы. Место, что ли, такое или водка дрянь?» – распахивая спящих, размышлял Фрол.

Вчера сквозь всполохи костра и мелькание теней показалось ему, что видел он на границе света и тени фигуру необычную – человек не человек, медведь не медведь, а только было что-то нехорошее в этом видении, но не удаётся вспомнить – что, ускользает образ.

Лошадь кое-как запрягли, оставшиеся припасы, что не испортятся, по лесному обычаю в заимке оставили, личное барахло навалом покидали и поехали из тайги. Работа вроде выполнена, радоваться надо, а на сердце тяжело.

В Семёновске быстро разошлись. Дрозд с Кокосом по своим хатам отправились, а Фрол к хозяину двинулся, о выполненной работе доложить. А через неделю – напасть на братву. Кокос повесился. Записку оставил, что жить так больше не может. Дрозд вообще исчез. Только через месяц его в психиатрической больнице соседней области опознали. Дитя дитём. Память потерял.

С Фрола как с гуся вода, здоров да весел. Ещё в большем фаворе у хозяина.

Ляма, пока бригада копателей работала, всё голову ломал, где старателей найти, да таких, чтоб отработали своё – и концы в воду, а точнее, в болото. И так прикидывал, и эдак. Выходило, надо вербовочную контору где-нибудь на стороне открывать. Завербованных по двое, по трое уже на своей территории в разных городах встречать и за триста–пятьсот километров напрямик в тайгу, на прииск везти. В Семёновске они не должны были появиться ни при

каких обстоятельствах. Всё это было долго и сложно. Так и сезон псу под хвост можно пустить. Снабжение и охрана – тоже та ещё головоломка.

В один из таких дней, когда авторитет находился в крайнем раздражении и валялся на диване, в кабинет постучали.

– Входи, если не дьявол! – крикнул Ляма.

Вошёл, естественно, не дьявол, а Фрол, неся перед собой беспроводную трубку «панасоника».

– Кто? – видя, что Фрол прикрывает микрофон своей огромной лапой, спросил хозяин.

– Исой представился. Сказал, что кум на Усолье хромой был.

Ляма сразу же вспомнил усольский лагерь, где отбывал срок. Начальник оперативной части, по-местному кум, действительно слегка прихрамывал. Вспомнил и Ису, уже тогда бывшего одним из паханов зоны.

– Как дела, дорогой? – услышал он характерный акцент, успев только приложить трубку к уху. – Кавказского тебе здоровья.

– Спасибо. Наше сибирское ничем не хуже, – ответил Ляма.

– Э... не скажи, дорогой. Сам знаешь, был я у вас. Не понравилось.

– Ну если не хочешь в гости приезжать, то и приглашать не буду, хотя тебе всегда рад.

– Зачем сказал «не хочу»? Хочу, времени просто, извини, совсем нет. Тут мой племянник в ваши края собрался. Молодой, горячий. Охота-махота, всё им интересно. Зайдёт, помоги чем сможешь. От меня два слова передаст.

– О чём разговор, Иса. Всё, что надо, сделаем. Никто не обидит.

– Вот и хорошо, дорогой. Как поговорите, позвони мне. – Не прощаясь, кавказец отключился.

– Интересно, что нужно абрекам в наших местах? – задумчиво вслух проговорил Слямин, глядя на Фрола.

Помощник молча пожал мощными плечами.

– В городе чужих много? – спросил хозяин.

– Да почитай никого. Гостиница почти пустая. На рынке никто новенький не появлялся.

– Хорошо, иди. Трубу оставь, – отправил помощника Слямин.

Когда Фрол вышел, он сделал два звонка: один в администрацию, другой в милицию. Оба абонента заверили, что никаких новостей, затрагивающих интересы авторитета, не имеется.

«И всё же что-то ему тут надо?» – барабанил пальцами по журнальному столику, думал Слямин.

От размышлений его оторвал стук в дверь.

– Ну, что там ещё? – раздражённо спросил он.

– Племянник приехал, – открыв дверь, но не заходя в комнату, сообщил Фрол.

– Что собой представляет?

– Он такой же кавказец, как я якут. Морда рязанская. Оружия нет.

– Хорошо, давай его сюда.

«Вот хитрые бестии, – подумал авторитет. – Так и надо работать. Первый только звонит, а второй уже за забором стоит. А то, что морда рязанская, это ничего не значит. Сказал, племянник, значит, близкий, доверенный человек. Сказал, брат, считай, сам приехал».

В гостиную в сопровождении Фрола вошёл ничем не примечательный, среднего телосложения молодой мужчина лет тридцати – тридцати пяти.

– Я от Исы, – представился он.

Слямин махнул рукой, и Фрол скрылся, плотно прикрыв за собой дверь.

– Проходи, садись. Иса сказал, охотой-махотой интересуешься.

Гость не повёл и бровью, усаживаясь на диван. Устроившись, достал сигареты, дождался кивка хозяина, закурил.

Авторитет молча ждал, рассматривая приезжего.

На вид обычная шестёрка. Исполнитель. При необходимости расходный материал. Привёз пакет, передал, если надо, получил и уехал. По гостю было видно, что он будет говорить, а следовательно, информация важная и человек имеет полномочия. Такие, как этот, из порученца в киллера могут превратиться в момент, решил авторитет.

– Иса передаёт привет, – начал гость, – и хочет оказать помощь.

– Это Иса просил тебе помочь. Я ни в чьей помощи не нуждаюсь, – завёлся Слямин, но тут же одёрнул себя.

«Не хватало устраивать спор с пусть и значительной, но шестёркой. Стоило подождать, когда на стол выложит все карты».

Приехавший, видимо, понял мысли хозяина и, выдержав небольшую паузу, вежливо продолжил:

– У вас тут есть рудник, в отвалах которого ещё не одна тонна песка. Сейчас вы планируете отрыть его. Лицензии у вас нет. Стоит проблема с секретностью и набором рабочей силы. Иса решит все ваши трудности.

Ляма не выдержал проявленной наглости. Он живо представил, как жилистые руки абреков копаются в только что намытом, ещё мокром золотом песке, пристающем к их пальцам и падающем сгустками между ними. Главным в этом видении было то, что песок принадлежал ему.

– Что он хочет взамен? – зло сквозь зубы процедил Слямин.

Гость не обратил внимания ни на вопрос, ни на эмоции хозяина.

– Иса пришлёт вам рабочих. Для начала тридцать человек. Они имеют опыт работы на промывке. С ними два специалиста. Если у вас будут трудности с охраной, то это тоже можно урегулировать. Вы начинаете работать, а Иса решает наверху вопрос о выдаче вам лицензии на добычу.

– Я спросил, что за это хочет Иса. – Постороннему наблюдателю показалось бы, что хозяин сейчас бросится на гостя, и это было недалеко от истины.

– Иса хочет забрать из тайги клад коменданта лагеря Потюпкина.

После этой фразы напряжённая, подавленная в сторону гостя фигура хозяина расслабилась. Откинувшись на спинку дивана, Ляма весело расхохотался:

– Я не соглашусь на условия Исы только потому, что не хочу от него предьявы. Даже младенец в крае знает, что клад Потюпкина – это сказки старых эков. Действительно, после расформирования лагеря в пятьдесят седьмом вся тайга кишела искателями этого клада, как старая изба тараканами. Перекопали бедную так, что хоть картошкой засаживай. Ничего не нашли, а если кому и пофартило, то сделал он это тихо и уже давно.

Терпеливо выслушав хозяина, гость понимающе кивнул:

– Мне было поручено передать предложение. Ответ вы должны сами сказать Исе. – И, вынув из кармана мобильный телефон, он набрал номер и протянул аппарат Слямину.

– Слушаю тебя, дорогой. Я думаю, у нас всё в полном порядке, – вторично за сегодняшний день услышал он знакомый голос.

– Нет, Иса. Сделки не будет. То, что ты хочешь, – это очень старая сказка. А за сказки я не хочу нести никакой ответственности.

– Э, зачем так сказал? Совсем как прокурор сказал. Не люблю слово «ответственность». Люблю слова «дружба», «доверие». Я думал, так скажешь. Потом Иса предьяву сделает, бизнес отнимет. Совсем плохо обо мне подумал. Я не обижаюсь, поэтому на шашлык-машлык старого друга пригласил. Он мою просьбу к тебе знает, хочет пару слов сказать.

В трубке послышались какие-то шорохи, кашель, а потом раздался хриплый голос:

– Здоровеньки бувай, кореш. Сечёшь, с кем базар вести будешь?

Вот такого номера Ляма не ожидал. Говорил Бульба, старый законник, которому стукнуло уже за девяносто.

– Слухай меня, хлопче. Я за Ису ручаюсь, что развода или предъявы в деле нет. Путь его люди старую захоронку у тебя пошукуют. За результат с тебя спроса нет. Помощь в благодарность прими. Она от души, и спрос за неё я с тебя всякий снимаю. Будь, хлопче, не кашлай. – И старый вор заперхал в трубку, видимо убирая её от себя.

– Ну что, Ляма, по рукам? – спросила трубка голосом Исы.

– Под слово деда согласен, но только после того, как все подробности знать буду и обещанное выполнишь.

– Зачем много говоришь? Племяш всё расскажет, всё организует. Позвонит, когда всё у тебя на мази будет.

Телефон пискнул, отключаясь. Слямин так ещё и не успел прийти в себя от информации, свалившейся на него за последние несколько минут.

– Я так понял, мы работаем дальше? – невозмутимо выпустив дым, спросил племянник.

– Да, работаем, – очнувшись, подтвердил хозяин.

– Через пять дней сюда приедет бригада рабочих. Их сразу отвезут на рудник. Я думаю, там всё нужно подготовить для проживания. Дорогу необходимо будет потом почистить, чтобы на ней не осталось следов. Охрану вы обеспечите?

– Да, охрана будет моя, – ответил Слямин.

– Отправляйте людей, пусть посмотрят и, если нужно, настроят оборудование. На второй день после прибытия бригада начнёт работать. Вы планировали поставить маскировочную сеть. Ставьте. О продуктах питания не беспокойтесь, у бригады они с собой. – Гость поднялся, считая разговор оконченным, но, видя, что хозяин хочет что-то спросить, опередил его: – Извините, у меня ещё много дел. Я вернусь через четыре дня и отвечу на все ваши вопросы. Кстати, напомните своим людям, что меня тут не было.

Скупно кивнув, он вышел из комнаты.

– Проводи гостя, – приказал Слямин заглянувшему Фролу и, понизив голос, добавил: – Проследите за ним.

Фрол кивнул.

Авторитет заходил по гостиной, анализируя и раскладывая по полочкам в голове прошедшие разговоры, и постепенно пришёл к мысли о выгоде заключённой сделки. По всему получалось, что лаве потечёт почти на халяву. Но тут он вспомнил чёрного шамана и заскрипел зубами.

«Этот курошуп своего не упустит. Уже вырвал кусок, – подумал он. – А за теми дурнями, что собираются клад Потюпкина найти, надо бы Митрича приставить. Лесовика они в жизнь не увидят, если будут даже месяц по тайге шляться. Ну, коли что и найдут, то болот в округе много».

При последней мысли Ляма даже потёр от удовольствия руки.

Очередной стук в дверь снова оторвал от размышлений. В проёме стоял Фрол. Вид помощника был расстроенным и даже жалким.

– Говори, – приказал Ляма, уже предчувствуя плохие новости.

– Выйдя за ворота, он сразу ушёл в лес. Я отправил двух ребят на машине в объезд, чтобы вышли на трассу и посмотрели, кто и где его ждёт. Минут пять спустя ещё двоих по его следам.

– Короче можешь?

– Он ушёл. Ребят в лесу вырубил, а на дороге его не засекли.

«Привыкших к тайге и выросших в ней двух бойцов вырубил городской пижон? Значит, правильно я определил племянника. Посланник и киллер в одном лице», – подумал Ляма.

– Как там пацаны?

– Оклёмываются потихоньку.

– Что говорят? Как это случилось?

– Понять ничего не могут. Будто по затылку чем-то стукнуло – и с копыт, в отключку.

– Оштрафуешь за полмесяца, чтобы не жирели во дворе. Нюх совсем потеряли. Отвези к доктору. Пусть проверит, били их или это что-то другое.

– Сделаю, – кивнул Фрол.

На журнальном столике раздалась трель сотового телефона. Сляммин взял трубку и посмотрел на дисплей. Номер не определился.

– Слушаю, – недовольно буркнул он.

Из трубки раздался хорошо поставленный голос гостя:

– Я не люблю знаки вежливости в виде проводов. В следующий раз своих легавых можешь больше не увидеть.

Сляммин хотел соврать, что он тут ни при чём, это инициатива его охраны, но абонент, не дожидаясь пояснений, отключился.

– Залепуха получилась, – объяснил он суть разговора Фролу и тут же сорвался на крик: – Сидите во дворе, как куры на насесте, и шарите вокруг глазами сонными. Организуй охрану на дальних подступах, чтобы за километр знали, какая вшивая собака к нам приближается!

Фрол быстро ретировался из кабинета. Хозяин явно был не в духе.

17—31 июля 2008 года

Прекрасен летом мой ридный город Киев, а родной Иркутск ещё краше. Если вы – мой собеседник и произнёс я вам эту фразу вслух, вы тут же и спросили: как такое со мной приключиться могло? Рассказал бы я вам басен целый короб. Как родился в Киеве в третьем род-доме. Как в школу ходил пятьдесят вторую, потом вместе с маткой в Иркутск перебрался. Как москали в том Иркутске матку мою в могилу свели и как возвратался я на батькивщину под крыло батьки мово Андрея Осиповича, за которого много народа сказать что имеет, а при необходимости и своё плечо под его проблемы подставить, не бесплатно, конечно.

Только вот не услышите вы от меня об Иркутске ничего. Не был я там и ниоткуда не возвращался. Это мой брат-близнец Витька туда с маткой уехали. Он в автомобильной катастрофе погиб, а вскоре и она преставилась.

Я, балбес балбесом, до двадцати пяти лет город мутил, а как грохнули мы по пьяному делу паренька одного, дак и батька взъерепенился. Ладно бы его деньжата на баб да кабаки просаживать, а тут отсиживать пришлось бы, да не одну пятилетку.

В общем, подсказали добрые люди, деньги за пол-отсидки получили, и отправился я в заграничное турне. Да не подумайте, что на Сейшельские острова, а прямиком на границу афгано-пакистанскую, в лагерь. Не в пионерский, естественно. Пионеры тогда уже и у москалей повывелись. Лагерь тот не «Юность» и не «Дельфин» назывался, а имел просто номер, но, если бы над воротами транспарант был, можно было смело на нём написать «Разведывательно-диверсионный».

«Пионервожатые» – закачаешься! – капралы да сержанты американской морской пехоты. Скучно там не было, и в походы ходили, и костры нас учили разжигать, и многому другому, по скромности своей промолчу. По окончании сезона путёвки выдали – кому в Грозный, кому в Гудермес или под Ханкалу. Выбора особого, честно говоря, не было.

Останавливаться на своих героических подвигах, с вашего позволения, я не буду. Много чего следователи в моём уголовном деле понаписали, когда меня, раненного, спецназ в зелёнке нашёл. Пристрелить поначалу хотели. Нет человека – нет проблемы, но присмотрелся ко мне старлей и приказал с собой взять. Так на моздокский аэродром с комфортом и доставили, а там – мешок на голову, и оказался я через несколько минут не на каком-нибудь фильтре, а в кабинете начальника военной контрразведки. Ходил он вокруг меня, ходил, как бабу какую разглядывал, а потом как гаркнет:

– Капитана Прокопенко сюда!

«Захожу, представляюсь. Мол, по вашему приказанию, господин подполковник, явился, и чего изволите, но последнее, естественно, уже не вслух.

В кабинете какой-то тип в камуфляже ко мне спиной сидит, руки за спиной в наручниках.

Ясен пень. Группа старшего лейтенанта Самсонова, сегодня из рейда вернувшаяся, духа притащила. Интересный дух, наверное, вот меня и пригласили оперативно с ним поработать. Только зачем, спрашивается, в кабинете у подполковника, для этого у нас другие места имеются.

– Знаком ли вам этот человек, капитан? – спрашивает подпол и приказывает пленному встать и повернуться.

Мать честная! Да кто своего родного брата не узнает, хоть в последний раз лет десять назад виденного!

– Так точно, – говорю, – знаком. Это брат мой родной Прокопенко Алексей Андреевич.

– А не подскажите ли вы мне, капитан, что он на территории Чеченской республики делает и что с российским спецназом не поделил?

– Что он тут делает, знать не могу, – отвечаю, – а делить ему со спецназом нечего, всем известно, претензии к спецназу предъявлять всё равно что малую нужду справлять против ветра. А ежели какая заморочка в зелёнке образовалась, так это Самсонов точнее доложить может.

– Самсонова, – говорит подполковник, – мы к вашему семейному делу привлекать не будем. Зачем сор из избы выносить? Так что поговорите вы с братом, товарищ капитан, тет-а-тет, а я пройдуся пока, дел невпроворот. – И ключ от наручников вежливо так на стол кладёт.

Не буду вам голову долго морочить, разговор у нас длинный состоялся. По всем законам выходило, надо Лёшку к стенке ставить и быстренько рассчитать за все его художества. Но подполковник далеко глядел».

Через три месяца я уже на новом месте обживался, побег из-под стражи на этапе совершив. Естественно, по документам я уже не Прокопенко Алексей Андреевич, а если спросите кто, отвечу, что не ваше это дело. Кому надо, тот знает.

Вот видите, как лихо я с вами пообщался и за капитана Прокопенко, и за Алексея Прокопенко, прямо греческий бог Янус – один в двух лицах. Только вот второе лицо мне никак проявлять не положено. Если мелькнёт ненароком, то в первый и последний раз. Сотрут оба, почесаться не успею.

Так что сижу я сейчас на Терехова, пивко потягиваю, кореша жду. Не простой тот кореш, а оттуда, из Чечни, разумеется. Мусой зовут. Добрых известий не жду, но с подарками он всегда приезжает. Отрабатывать те подарки приходится, а уж это как водится, бесплатных долларов не бывает.

С Мусой мы давно знакомы. Вместе дороги минировали да колонны федералов расстреливали. Подрос чеченец, хорошо подучили его. На морду – москаль москалём, ни один мент документы в городе предъявить не попросит. А и попросит, так что с того? К российскому паспорту ещё так-сяк относятся, а к турецкому или австрийскому... Андестенд?

Вообще на батькивщине нам, бывшим защитникам великой Ичкерии, хорошо. Не надо по границам далеко бегать. Живи себе, наслаждайся, хотя каждый из нас на учёте состоит. Пятая колонна, но своя, родная. Где какие беспорядки учинить – пожалуйста, обращайтесь. Активисту москальскому мозги вправить – тоже не отказываемся. А что? Заработок приличный, крыша хорошая, да и спецслужбы не при делах. Всю грязную работу за них делаем. А уж они крайних всегда найдут, не зря ведь то здесь, то там нужные следы оставляем, а они тех козлов отпущения за рога и в стойло, ни один гаагский суд не подкопается.

Рука на плечо легла. Ну и слава Аллаху, без проблем Муса добрался, значит, работать будем. Не с улицы в кафе зашёл – входная дверь передо мной, я её контролирую. Рабочим коридором пробрался.

– Здорово, – говорю, не оборачиваясь, – пиво будешь?

Обходит он столик, присаживается, а взглядом по лицу так и скользит. Ощущение, будто руками его ощупывает.

– Как дела? – спрашивает. – Что новенького в мире делается?

– Стабильности нет, – отвечаю. – Опять чеченские боевики заложников захватили, да доллар в цене падает.

Муса шутку понимает, улыбается:

– За доллары не переживай, это дело поправимое. Пускай о них у президента голова болит.

Я пробный шар забиваю.

– Может, помочь надо американцам? – спрашиваю.

– Нет, Витя, – отвечает, – в России дел невпроворот. Америкосы пусть пока сами выкручиваются.

Ну вот, понятней немного стало, у русских, значит, у нас, работать будем.

- Работа дураков любит, – отвечаю и пиво безразлично прихлёбываю.
- Дураки, – говорит, – те, кто от лёгкой да хорошо оплачиваемой работы отказывается.
- Шума не люблю, – продолжаю гнуть свою линию.

Снова улыбается Муса. Всё понимает. Я побольше узнать о предстоящей работе хочу. И понимаю, что он всё понимает. Вот и улыбаемся друг другу.

– Спокойная работа, – сообщает. – Друзья попросили бизнес их охранять. Беспредельщиков там у них много. Конкуренты замучили.

– Вот видишь. Если беспредельщики, то обязательно шум будет.

– Про беспредельщиков – это так, к слову. Да если и шум поднимется, то никто не услышит.

Вот это уже что-то. Значит, не в городе работа.

– А надолго ли командировка, – спрашиваю, – а то у меня и тут дела есть. Уеду надолго, ребята обидятся.

– Думаю, за месяц управимся, а ребят, чтобы не скучали, можешь взять с собой. Человек тридцать найдёшь?

Что-то крупное чечены задумали. Тридцать наших гавриков, лагеря пакистанских прошедшие, с ротой справиться могут. А вот насчёт месяца врёт. От силы на неделю операция. Так много вооружённого народа в одном месте надолго не спрячешь.

– Когда выезжать надо и что хлопцам об оплате сказать?

– Дней за пять управишься?

– Сделаю.

– Каждому авансом по пять тысяч баксов. Сумка под столом. По окончании работы ещё по двадцать.

– Премияльные?

– Зачем торопиться? – спрашивает. – Шкуру неубитого медведя делишь. Убьём, шкуру снимем, заказчику отвезём, вот тогда разговор будет.

Ага, значит, и про охрану всё трепотня выходит. Силовая акция по захвату, только где и что захватывать будем, Муса не скажет. Не стоит и вопросы задавать. Вон, нахмурился слегка, понял, что лишнего ляпнул, но на этот раз ничего объяснять не будет, понимает, что только укрепит мои подозрения.

– Ты когда авансы выплатишь, не расстраивайся, – говорит, – если лишнее в сумке останется. Лишнего там нет, все твоё.

– Спасибо, – отвечаю. – Ты пиво пей, а то всё по делам да по делам мотаешься.

Прихлёбывает он пиво, официантом принесённое, и на меня поглядывает. Полгода не виделись. Не изменился ли?

«Свой я, свой, – мысленно ему семафору. – Да и куда деваться после подвигов моих?» И хитро так ему многозначительно подмигиваю.

Улыбнулся, на улицу поглядел. То ли семафор от наблюдателя получить, что всё спокойно? То ли просто взгляд перевести, не молча же на меня пялиться?

– Где с ребятами говорить будешь? – спрашиваю.

– Ты сначала с ними сам разберись. Когда согласие дадут, список через почтовый ящик передашь. Предупреди, пусть не шарахаются, их повестками вызовут. Трубу рядом держи, я отзовюсь.

Киваю: всё понятно, сделаю. А у самого в голове крутится: проверочку кандидатам устроить собрался. Местная беспека доложит, кто и как себя вёл в последнее время. Так вот и живём с третьим чужим глазом на спине. Всё бы ничего, да в туалете не всегда уютно.

– Будь здоров, – говорит, – пойду, а то дел ещё много.

– И тебе не кашлять, – отвечаю. – Я ещё маленько тут посижу, пиво больно хорошее. Потом по пацанам прогуляюсь. Зачем их звонками беспокоить?

Кивнул он одобрительно и пошёл себе, русак русаком, к выходу.

Но мне тут засиживаться некогда. Работёнки привалило. Про сумку, уходя, естественно, не забыл.

Помотавшись примерно с час по городу и не обнаружив за собой слежку, я припарковал свой «пежо» у одного из рынков. Служба информации у меня работала ничуть не хуже, чем у украинской беспехи. Протиснувшись в торговые ряды, откуда можно было выйти с рынка в восьми направлениях, я не спеша прогулялся по ряду обувщиков, а потом заглянул к палаткам, торгующим мёдом.

Сегодня была среда, а следовательно, выполнялся третий маршрут.

Сейчас меня вели точно, в этом я ни минуты не сомневался. Вели свои, отслеживая мои хвосты. Пройдя сквозь рынок, я нырнул в хаос хрущоб и сделал петлю за гаражами. На знакомой скамейке сидел Василь, раскинув руки по её спинке и поглядывая по сторонам.

– Здорово, – приветствовал я его, присаживаясь рядом и пожимая руку. – Где Юрок?

– Сейчас будет. Конец твоей дорожки посмотрит. Пока всё чисто.

Мы закурили. Я протянул ему банку пива из пакета, он благодарно кивнул. Не успели мы сделать и по паре глотков, как на край скамьи присела огромная фигура и полезла без разговоров в мой пакет. Ладонь, сравнимая с лопатой, нашарив искомое, вынырнула оттуда, и через секунду пришедший удовлетворённо крикнул.

– Наши, ихние? – спросил нетерпеливый Юрок.

– Старые хозяева, – ответил я.

– Где работа?

– Не сказал, но, судя по тому, что я от него слышал, у москалей.

– Не могут успокоиться, суки.

– Так теперь все побитые собаки на новую помойку в Джорджию побегут. Тут либо арабы, либо заокеанский папа. Баксикам больше неоткуда появиться, – задумчиво проговорил Василь.

– И сколько платят?

– Авансом пять. По окончании работы двадцать.

– Сколько народа?

– Нужно тридцать.

– Шумно будет. Похоже на захват, – оценил информацию Василь.

– Да, похоже.

– Если сорвётся, бросят они нас.

– Не сомневайся, так и сделают.

– Можно подумать, в первый раз, – философски заключил Юрок.

– Так вы в деле или как?

– Сам-то что решил?

– Я деньги взял, значит, согласился. Откажусь в последний момент – беспеха укатает в тюрьму до окончания операции. А если там что-то очень серьёзное, то и в расход пустят. Лишние знания вредят здоровью. Так что иду. Сейчас можете отказаться, не было у нас разговора, потом поздно будет.

– Ладно, мы с тобой, – переглянувшись с Юрком, проговорил Василь. – Контракт заключай на общую сумму. Думаю, потери у нас будут, так хоть деньги получим хорошие.

– Это сделаю.

– Тогда разбегаемся.

– Вечером прогуляюсь мусор выносить часиков в десять. Успеете?

– Будь спокоен.

Я вынул из кармана ветровки две пачки долларов и передал каждому.

– Да предупредите хлопцев перед разговором. Список группы скорее всего через беспеку пройдёт, так что если у кого что-то не так, пусть сразу в отказ идут, и вы им ни полслова лишних. Подставите.

– Совсем у нашего Юры башка съехала, – проговорил, вставая, Василь. – Думается мне, не локалка это беспекки. Решение на самом верху принимали, и связано это со швилями всякими. Кавказ, мать его!

– Нечего гундеть, – ответил Юрок, засовывая в карман деньги. – Подписались – пошли работать.

Василь и Юрок – мои связные. Они крепко держат каналы связи, каждый со своим десятком. Если всем необходимо быстро собраться, то одному мне не справиться. Вот и создал я потихоньку сеть из своих. Нужны мы власти, но и вариант не исключён, что зачистить могут всех гамузом. На этот случай и предусмотрена система защиты. Если придёт такое время, растворимся в нигде, как сон, как утренний туман. А то и зубы покажем. Пара десятков работничков беспекки, кураторы фулевы, исчезнуть могут. Не подумайте, что угрожаю. Несчастный случай. Бытовуха. Не зря ведь учили.

Ушли хлопцы, и мне пора Прохора навестить. Проговорился, думаете? Имя назвал – так это уже кончик, за который потянуть можно? Шиш вам. Позывной это, мной человеку подаренный, и знают его только двое.

Поймал я на соседней улице частного и на окраину двинулся. Хвоста по-прежнему не наблюдаю. Отпустил машину – и в переулочек, а там дыра в заборе. Детскую сигналку на растяжке поставил – и ходу. Вышел, короче, к гаражам. Какой из них мой, и не спрашивайте. Некорректно ответить могу. Дверь по-тихому открыл, внутрь просочился. Сдвинул стеллаж. Глянул в щель смотровую. Прохор один в своём закутке сидит. Стукнул в стеночку по-тихому. Запер он дверь своего кабинета, шторку на окне задёрнул и со своей стороны стеллаж отодвинул.

– Давненько не виделись, – говорит и лопату свою суёт.

Дал я ему пожать свой кулак, иначе потом кисть массировать придётся.

– Присаживайся, – говорю, – в ногах правды нет.

– А она вообще-то если и есть, то почему-то всегда не наша, – отвечает.

Толкую ему тему, что с хлопцами перетёр. Прохор работать не пойдёт, был в первую чеченскую тяжело ранен, но своим парням всё, что надо, передаст.

Покивал он на моё сообщение и предупреждает:

– Дело тухлятиной пахнет. Подорвать там чего – куда ни шло, а вот захват – совсем другое дело.

– Сам такой, – отвечаю, – хоть и кисло, но ем. К вечеру сделаешь? – И пятьдесят штук ему протягиваю.

– Ответ, как обычно, к десяти?

Киваю молча.

– Будут тебе хлопцы. Список где всегда найдешь.

Пожал он мой кулак вторично и к себе ушёл.

Вернулся я на знакомую тропку. Сигналку снял – и пёхом на автобусную остановку. Парочка пересадок – и я в своём районе. Жратвы прикупил, пивка упаковку, и нет до двадцати двух ноль-ноль у меня никаких дел. Видак посмотрю, посплю, может, Люське позвоню, подскочит. Короче, выходной у меня, как вчера и позавчера, кстати, тоже.

Разбудил меня будильник в девять вечера. Принял я банку пива и пошёл на кухню яичницу с колбасой жарить. Поел, смотрю – батюшки мои! – мусора дома скопилось – ногу поставить некуда. Собрал пару пакетов, в угол поставил. Тут смотрю, и с сигаретами напряжёнка. Придётся выходить. Рубаху набросил, мусор прихватил и пошёл на ближайшую помойку. Темнота у нас там. Того и гляди, во что-нибудь ступишь, но обошлось на этот раз. С киоскёр-

шей, бабой знакомой, пока курево покупал, несколькими фразами перекинулся, а как вернулся в свой двор, идти в дом расхотелось. Теплынь на улице. Лепота. Присел на лавочке, закурил. Небом любуюсь. Вот и третья цидуля под пальцами определилась – к скамейке скотчем прилеплена. Теперь всё, отдых закончился, работа начинается.

В квартире в туалет первым делом прошёл. Цидульки развернул. Двадцать восемь хлопцев у меня есть, я, значит, двадцать девятый. Будем считать, что заказ Мусы выполнен.

Ноутбук свой открываю, модемчик беспроводной пристраиваю и начинаю, как заправская секретарша, строчки отстукивать. Что пишу, не ваше дело, хотя можете даже через плечо заглянуть, всё равно ничего не поймёте. Адресочек набрал и энтер нажал. Лети, моя песня!

Откинулся на спинку дивана, закурил, пивко прихлебывая, и стало мне казаться, что последние деньки я здесь дорабатываю. Если не спишут меня вчистую, то придётся новую жизнь вскоре начинать. В связи с этим стоит взглянуть, сколько же мне на бедность Муса оставил. Порылся я в сумке. Немного оставил, всего-то двадцать кусков, зелёными естественно.

Нет, всё-таки нынешние времена получше. Деньги это мои, и никому их сдавать не надо. В былые времена, как мне рассказывали, даже у зарубежников после командировок за бугор джинсы и жвачку отнимали, по легенде купленные. Детскими игрушками не брезговали.

Кое-что скоплено на чёрный день. Впрочем, для меня он, наоборот, светлым будет. Кончится моя двойная жизнь.

Три дня я для виду кипучую деятельность развивал. Мотался по городу, с кучей народу разговаривал. Десяток литров пива в день выпивал. То пропадал в переулках старого города, то появлялся в центре. Бросал машину на пару часов и вновь возвращался к своему коню.

На четвёртый день дома завис, а к вечеру на центральный почтамт отправился, там у меня ящик для корреспонденции абонирован. Сбросил в него список кандидатов на заграничную командировку. Ну вот, сделал дело – гуляй смело.

С утра на следующий день позвонил Люське, благо суббота выдалась, и до трёх часов с ней в койке прокувыркался, а на закатное солнышко мы на пляж поехали. Вернулись, в ресторане поужинали и продолжили выпивон до трёх ночи, с песнями да пьяным базаром голышом на балконе. Короче, вроде как отвальную пацан празднует.

Вырубилась Люська, а я ящичек свой электронный проверил. Всё путём. Кто что должен знать, знает и к встрече готовится. Убрал информацию и к Люське под одеяло.

Утром коханая моя – бледнее привидения, пришлось медбрата играть, с расширением профессиональных функций в половой сфере. Ничего, к обеду отошла, порозовела, пальчиком на прощание погрозила. Вильнула попкой и по делам своим девичьим уплыла, подаренные баксики растрывкивать, а я спать завалился.

Муса только через неделю объявился. Поговорили. Попрощался вежливо, удачного отдыха пожелал. Вот и понятно: закончилась жизнь беззаботная, в командировку пора.

Вечером, привычки не нарушая, спустился мусор из квартиры вынести, а в почтовом ящичке повестка. В милицию меня, бляха муха, вызывают. На что я им там сдался? Фейсы давно не чистил, ботинки, правда, тоже. Так, может, у них за мои боты голова болит? Ну, придём, узнаем.

Спал хорошо. Побрился. Позавтракал. Бросил в сумку кожаный несессер, полотенце, пару рубаш да кроссовки. Паспорт – в карман ветровки. Похоже, всё. Ремешок универсальный на мне. Тоже помощник на все случаи жизни, а случаи всякие происходят, особенно в нашем деле.

Что за ремешок такой, спрашиваете? Ну, это тайна небольшая, но так и быть, выделю пару минут. Потешу ваше любопытство. Ремень как ремень, обычный офицерский, длина без пряжки метр пятнадцать, но сделан так, что на две части расслаивается, а следовательно, почти два с половиной метра высоты преодолеть на нём можно, что вверх, что вниз. Внутри две иглы и метр хорошо изолированной проволоки. При необходимости можно и короткое замы-

кание где и когда надо устроить, и растяжку соорудить. Двое пластиковых наручников, опасное лезвие бритвы и универсальная нить, что шею, как гароттой, захватит, но только слегка, а то клиент без головы останется, что решётку перепилит. Небольшое мягкое зеркальце – сигнал световой подать можно. Кусок клейкой ленты – не вовремя говорящим очень полезен и как изолента годится. Стопорным гвоздиком ремня можно наручники открыть, ещё две тонкие пластинки стимулятора, на которых без еды и воды двое суток отшагать можно. В самой пряжке двенадцать сантиметров ДШ, шнур детонирующий с детонатором, конечно, ну и, естественно, кремь – вдруг согреться в камере захочется или ДШ активировать, чтобы замок от двери отдельно существовал. Когда всех его свойств не знаешь, ремень как ремень, шупай, как девку, если нравится. В общем, штука нужная, с одного араба как-то по случаю снял, а он, сволота, с кого-то из наших спецназовцев.

Приехал, захожу, вежливо у дежурного спрашиваю, куда мне явиться, и повестку протягиваю. Объясняет, что далеко тут ходить не надо, дверь налево на первом этаже у лестницы, ведущей в подвал.

Стучусь в нужную дверь. Захожу. Представляюсь.

За столом тип сидит, в гражданке, над бумагами склонившись. Поднимает голову. Опаньки, приехали. Морда-то знакомая, один из наших кураторов из беспеки. Ну, чего-то в этом роде я и ожидал. Вежливо так здоровается и присесть просит. Присесть присядем, садиться не хочется. Присел. Вдоль стены восемь стульев стоит. И тут пошло-поехало. Через каждые две минуты знакомая рожа в кабинет просовывается, повестку протягивает и усаживается рядом на стул. Десяти минут не прошло, а стулья уже все заняты. Сидим, молчим.

Оглядел нас спецуровец, полна обойма, и говорит:

– Разговор у нас будет, хлопцы, да кабинет чужой. Тут другое место имеется, геть за мной.

Спустились мы за ним по лестнице в подвал и пошли по тоннелям бродить. Кое-где они решётками перекрыты, но беспеку это не смущает, замки только щёлкают. По моим прикидкам, квартала два протопали. Народу по дороге – ни души. Ещё одну дверь открывает, но на этот раз в стене. Заходим. Подсобка, похоже, посередине стол длинный, скамейки, стулья по сторонам. Вновь присесть предлагает. Нас, говорит, просили с вами пообщаться, но, прежде чем разговоры разговаривать, передайте мне, просит, все свои средства связи, сотовые телефоны, понимай. Сбросили мы телефоны в суму, на столе стоящую, а он по каждому ещё сканером прошёлся, недоверчивый ты наш. Ушёл сопровождающий. Закурили, молчим. Минут примерно через сорок все двадцать девять человек, как на подбор, уже за столом сидели, а атмосфера – хоть топор вешай.

Вновь дверь открывается. Входит наш общий знакомый и докладывает, что поедем мы сейчас, а поэтому друженько должны покинуть помещение и подняться в поданный транспорт. Выходим по коридору на пандус, и ждёт там нас иномарка с глухим кузовом, грузоподъёмностью тонн эдак на восемь. Захлопнул он за нами двери. Не положен нам автобус, да и за перевозку деньги мы не платили, чего привередничать. Расселись на полу и поехали.

Час примерно по городу крутили, потом на трассу вышли да без остановок, скорость прибавив, катили не меньше. Ещё минут сорок по просёлочной дороге тряслись. Кажется, приехали. Загремели на дверях запоры. Первый пошёл. Второй пошёл. Выпрыгнули из кузова. Красотища! Лагерь в лесу. Улыбчивый коротышка встречает. Направо пойдёшь – в казарму попадёшь, на одно из зданий указывает. Налево – через полчаса придёшь, за стол пошамать попадёшь. Объясняет диспозицию. А если за забор пойдёшь, то на кладбище придёшь. Мысленно ему подсказываю, и тут же получаю примерно аналогичное предупреждение.

Бросили мы свои шмотки где кому понравилось. Кто на крыльцо покурить вышел, кто на кровать упал поваляться, а потом двинули всем кагалом на приём пищи. Стол накрыт, посуда армейская, борщ с мясом, картошка с котлетой, хлеб, масло, компот и даже фрукты на столе. Ели не торопясь, основательно.

Выхожу из пищеблока, а на лужайке перед ним предстоит небольшое совещание. Парни на траве кто лежит, кто сидит, покуривая, а в пяти метрах камуфляжный без знаков различия прохаживается. Я успел тоже сигарету выкурить, когда он руку поднял, к вниманию призывая.

– Прошу всех пройти в казарму переодеться. Через десять минут я жду вас перед ней.

В казарме на столе стопки камуфляжа, берцы на любой размер, кепи армейские. Переоделись, вышли. Форма всегда дисциплинирует, без команды построились.

– Следуйте за мной, – потребовал камуфляжный и двинулся к дальнему зданию.

Вошли, в кинозал, оказывается, попали.

– Прошу садиться, – приглашает, а сам на сцену поднялся. – В настоящее время вы находитесь на территории тренировочного лагеря украинской армии. Сегодня ночью вы его покинете. Переход украинско-беларусской границы согласован. С вами поедет офицер сопровождения. Теперь главное. Вы будете доставлены вот в эту точку. – Он указал на появившуюся на экране карту, ткнув в нужное место указкой, уже на территории Беларуси. – Привязка к местности – вот эта водонапорная башня. – На экране появилась фотография строения. – Башня видна со всех сторон и отлично просматривается в ночное время. Ночь будет лунная. Опознаватель на случай, если отобьёте при переходе. Там встретят. Переходить белорусско-российскую границу вы будете в окно с двумя проводниками. Опасность обнаружения исключена. Ваш дальнейший маршрут обеспечивают другие. Вопросы?

– Пойдём через границу как по Крещатику или придётся поползть? – спросил кто-то из зала.

– Пойдёте так, как будет нужно. Ещё вопросы?

Зал молчал.

– Вопросов больше нет, – подвёл итог камуфляжный. – Ужин в семь. В десять отбой. Подъём в три. До отбоя свободное время. Разойдись!

Он спрыгнул со сцены и быстрой тренированной походкой покинул зал. Все тоже потянулись к выходу.

Разговоров в казарме практически не вели. Все давно хорошо знали друг друга и были абсолютно уверены, что в помещении ведётся наблюдение, поэтому проводили время кто как может. На столе обнаружилось несколько колод карт и партий домино. В разных углах казармы стояли два телевизора с видеюшками и кучей дисков. Каждый нашёл себе занятие по вкусу.

Я упал на кровать и прикрыл глаза. По всему получалось, что жёлто-блакитные совсем офуели. Беспека своими руками забрасывает на территорию России диверсионную группу. Ни ху-ху себе камушек в огород! Ну да ничего, сочтёмся подарками. Через белорусскую границу – понятно почему. Контроль слабее, да и они не при делах в крайнем случае. Только вот на кого работаем, явно не на Мусу. Обеспечение на уровне, да и размах не для чехов сегодняшних. Так, потихоньку анализируя, я и уснул под лёгкий гул казармы.

Через пару часов проснулся, умылся, в картишки перекинулся. Тут уже и ужин подоспел. Сытно поели и развалились почти все перед казармой, кто на скамейках, кто просто на траве.

– Что думаешь, Стилэт? – грамотно прикрывая рукой губы, прикуривая от моей сигареты, спросил устроившийся рядом Сом.

– Гадость большая будет, – держа сигарету у рта, отвечаю. – Кажется, риск тех денег не стоит, что нам обещали.

Он совсем в другую сторону смотрит. Лицом так лёг, что через пару минут на него солнышко наехало. Сдёрнул он кепи с головы, на лицо надвинул и говорит:

– Ребята на тебя надеются. Если что почуешь, свистни. Кого надо, порвём. Рули ситуацией.

Вот это неплохо, думаю. Тут уже и подкорректировать планы хозяев в крайнем случае не грех будет.

– Добро, – говорю, – командование принял, но передай, чтоб на меня не пялились.

Он только кепи поглубже на лицо натянул.

Грузились ночью в обыкновенный автобус. Каждый получил автомат без патронов и лёгкий рюкзак килограммов на пять с сухпаем, двумя бутылками воды и нашим шмутьём, в котором сюда приехали, в отдельном пакете.

Дорога шла лесом, постоянно петляла. Примерно через час пересекли автостраду и вновь пошли по просёлку. Временами в темноте мелькали скупые огоньки далёких деревушек, слышался собачий лай. Наконец выбрались на асфальт, и скорость движения значительно возросла. Только к шести часам утра, когда посветлело, на дороге попался первый указатель до Берёзовки, налево тридцать километров. И где эта Берёзовка, не в Джорджии, случаем? Вот это более понятно – районный центр Хохлово, он-то с карты не пропадёт.

Дороги ожили, появился встречный и попутный транспорт. Все уже проснулись, кто полез пожевать, кто взбадривался глотком воды и первой сигаретой.

– Командир! Отлить бы.

Сопровождающий офицер в звании капитана, сидящий рядом с водителем на откидном стульчике, обернулся:

– Потерпите, через полчаса граница. Как пересечём, время на opravку будет.

Вот и она, родимая. Знак, стоящий за пятьсот метров, шлагбаум полосатый, пограничник, лениво на автобус поглядывающий. Капитан скрылся в домике поста. Таможни тут нет, и гражданского населения тоже. В любом государстве для армии такие лазейки подготовлены.

Вышел капитан через минуту, рукой махнул и потопал через границу. Нам шлагбаум открыли, даже никто в салон не заглянул. Подъехали к белорусам – аналогичная картина. Капитан за ручку на крыльчке с лейтенантом попрощался и в салон запрыгнул уже на ходу.

– Ну вот, почти и дома, – сообщил он.

Автобус сворачивает на лесную грунтовку и, через десять минут съезжая с неё, останавливается на небольшой поляне.

– Вышли, размялись, привал тридцать минут. Переодеться в гражданку, оружие – в багажное отделение, – взглянув на часы, командовал сопровождающий.

Водитель начал снимать с машины номера и прикручивать другие. Мы поменяли масть. Капитан тоже переоделся.

Ещё несколько часов пути – и автобус по почти заросшей дороге заезжает на подворье заброшенного хутора.

– Двое со мной, остальные на месте, – командует капитан.

Хлопцы выпрыгивают вместе с ним и помогают открыть ворота громадного сарая, щелястые стены которого собраны из посеревших от времени досок. Машина въезжает внутрь, и ворота закрываются.

– Приехали, – слышим в полутьме голос капитана. – На выход. Слева дверь, и по коридору все в хату. На улицу не выходить.

Тесновато в деревенской избе, имеющей три небольшие комнаты, тридцати мужикам. Жилая изба, только попросили хозяев временно её покинуть. Расселись кто где. Капитан занавесочки на окошках задёрнул, стал у стола.

– Сидим здесь до сигнала. В два часа с той стороны придут проводники. Во двор не выходить. В тесноте да не в обиде, – оглядел он окружающую обстановку. – Кто хочет, может перебраться на сеновал. Огляните окрестности, это для всех. У окон не маячьте. Вопросы?

– А как насчёт документов? Через границу без них пойдём? А в случае чего...

Капитан перебил говорящего:

– О случае ты у своей бабы спроси. Для всех поясню. Переход стопроцентный. Москали на той стороне почти спят. Рядом – дружественное государство. Для сведения любопытных. Финскую границу фермеры пограничной зоны охраняют. Почти то же и здесь. Систем в старом понимании погранзоны нет. Охрана – патрулями. График вычислен. Секреты отсутствуют. В

случае необходимости будет обеспечен отвлекающий шум по обоим флангам перехода. Предусмотрен вариант. Вы – беглые эки. В случае задержания молчать в тряпочку. Дня через три поступит запрос с Украины о вашем этапировании обратно. Всё ясно?

Монолог выслушали в гробовом молчании. Капитан внимательно оглядел аудиторию:

– По углам, и замерли до ночи.

Привычка терпеливо, без напряжения ждать развивается у человека, ведущего партизанскую войну, довольно быстро. Нетерпеливые долго не живут, первыми попадая в прицел снайпера или срывая растяжку.

Я забрался на сеновал, зафиксировал на той стороне виденную на фотографии водонапорную башню и с удовольствием растянулся на сене. Неужели в этой гадости замешаны и белорусы? Верить в это не хотелось. Поживём – увидим, да и вообще это не моя головная боль. Ночь предстояла хлопотная, так что я без раздумий вскоре отключился и проснулся уже в глубоких сумерках.

На сеновале не покуришь, пришлось спускаться. В хате дым коромыслом. По случаю темноты приоткрыли входную дверь и форточку.

В час ночи капитан просочился осторожно во двор и устроился у калитки, предварительно приказав собрать все окурки и следы от сухпая в пакет, сложить в автобус рюкзаки и мусор.

Ровно в два часа он зашёл в хату с незнакомым мужчиной.

– Все проходят мимо меня и встают слева от калитки. Если не будет хоть одного, операция отменяется. На той стороне все отвечают головой за каждого, смотрите, хлопцы. – Он встал сбоку от дверного проёма, проводник остался на крыльце. – Первый, пошёл, – послышалась негромкая команда.

Не торопясь, каждый шагал, наклоняясь перед низким косяком, и чувствовал на своём плече руку сопровождающего.

Когда все собрались у забора, в калитке вырос неизвестный и молча махнул рукой.

– За мной без разговоров, – проговорила фигура и шагнула в темноту.

Шли в течение часа сначала берёзовым редколесьем, потом неглубоким оврагом и, поднявшись из него, оказались метрах в трёхстах от контрольной точки. Постояв минуты три, пошли не в сторону башни, а левее, вдоль длинного бетонного забора. Вскоре последовал приказ остановиться, и вдоль цепочки прошёл сопровождающий. Вновь двинулись. Оказывается, пришли. Не успел я нырнуть в калитку в заборе, как на моё плечо вновь легла рука. Ещё две минуты движения по территории какой-то базы – и все оказались в помещении огромного ангара, где царила тишина, нарушаемая только дыханием стоящих рядом людей. Дверь закрылась, в ангаре вспыхнул свет.

Это был огромный склад, большую часть которого занимали сложенные штабелями ящики. Транспортные ворота располагались в стороне, и напротив них стоял длинномер, то ли «манн», то ли «мерседес».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.